

ИГРА В ИДЕАЛЫ

Том III

ИГРА В
ИДЕАЛЫ

МАРИНА ШАПОВАЛОВА

Марина Шаповалова

Игра в идеалы. Том III

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43651317
ISBN 9785005028587*

Аннотация

Эта книга одна из тех, что хочется дочитать до конца. Действия романа происходят в альтернативном мире. Лондон, 18 век. Осиротевшая девочка решается вернуть родительские регалии. Но местная аристократия давно похоронила ее вместе с родителями. Оттого возвращение повзрослевшей Даманы становится скандальным событием. А еще находятся те, кому возвращение девушки совсем не на руку. Дамана будет находить ответы. Последствия этих откровений могут быть весьма непредсказуемыми.

Содержание

Игра в идеалы	5
Том III	6
17 февраля 1775 года. Суббота	6
18 февраля 1775 года. Воскресенье	15
Вне времени	18
25 февраля 1775 года. Воскресенье	23
26 февраля 1775 года. Понедельник	32
27—28 февраля, 1 марта 1775 года	44
2 марта 1775 года. Пятница	46
3 марта 1775 года. Суббота	66
4 марта 1775 года. Воскресенье	70
5 марта 1775 года. Понедельник	80
6 марта 1775 года. Вторник	90
7 марта 1775 года. Среда	99
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Игра в идеалы

Том III

Марина Шаповалова

© Марина Шаповалова, 2019

ISBN 978-5-0050-2858-7 (т. 3)

ISBN 978-5-0050-2854-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игра в идеалы

Том III

17 февраля 1775 года. Суббота

Ночь мы провели в снятом мной доме. На следующий день собирались поужинать со свами. Это смешное слово в Индии означает почетный титул в индуизме. Обращение используется и к мужчинам, и к женщинам. Происходит из санскрита и означает «владеющий собой», или «свободный от чувств».

В этот день за долю секунды в голове у меня зародилась мысль, которая не давала мне покоя и очень повлияла на меня. Она была ужасна, но мне так хотелось воплотить ее в жизнь.

Оказывается, наш йога-индус увлекался биологией. И когда мы были в Индии, Рони как раз экспериментировал с самыми интересными ядами.

После обеда мы опять прогуливались и разговаривали. Беседовать с этим индусом мне нравилось. Он был холодноватым, а значит, непредвзятым. Потом, как обещал индус, мы отправились в лабораторию. Она была заставлена стеклянными ящичками, а в них сидели разные твари. Пауки, которых я ненавидела всей душой, ящерицы, скорпионы, лягушки, другие неизвестные существа... И конечно же, змеи! Самые разные змеи. Раньше я и подумать не могла, что их

настолько много. В отдельном углу справа лежали мертвые крысы, а слева – живые. На полках стояли колбы с разноцветными жидкостями.

Индус рассказывал нам о своих экспериментах. Слова «паралич», «все равно останется калеккой», «мучительная смерть» меня необъяснимо притягивали. Но Рони интересовало не это; он искал противоядия. Мой единственный, но очень дальний родственник посвятил себя науке. По образованию он был доктором химии и биологии. Еще одно отличие от брата: Ананд всегда больше увлекался экономикой. От некоторых ядов Рони нашел спасение, но от большинства, конечно же, нет. Я не сильно беспокоилась по этому поводу. Мне было куда интересней, не одолжит ли он нам несколько колбочек... Я подбирала слова для просьбы, прекрасно понимая, что мы слишком мало знакомы, чтобы я могла обвести его вокруг пальца. Рони сразу же поймет, что я хочу убить...

Я рассматривала змей, они странным образом манили меня к себе. Остановившись возле одной красивой, грациозной змеи, я застыла, чтобы полностью ее разглядеть. И вдруг так резко, что от страха я отпрыгнула, змея сделала выпад в мою сторону. К счастью, мордой она ударилась о стекло и, видимо, выпустила яд: на аквариуме остался мокрый отпечаток. Это дерзкое нападение даже заставило меня улыбнуться. Мне показалось, что змея таким образом разговаривала со мной! И сказала примерно вот что: «Выбери мой яд,

я тебя не подведу!»

Я выдохнула и, взявшись за сердце, проговорила:

– Какая милая рептилия...

– Отличный выбор, если Вы желаете кому-то смерти.

Я немного испугалась: неужели индус прочитал мои мысли? Да, в этой комнате пыток я поняла, как могу отомстить Блеку... Мысль пришла мгновенно. Прекрасный план мести! Но нужен яд... Как выпросить его? Я не знала.

Я улыбнулась и ответила:

– Я надеюсь, что такого человека я никогда не встречу на своем пути. А что это за змея? Она очень красивая.

– Зеленая мамба.

Чешуйки змеи переливались изумрудно-зеленым цветом с оттенками голубого и желтого.

– Обитает она, – продолжил Рони, – в Африке. Но больше всего ядовитых змей в Австралии.

– Зеленая мамба опасна?

– К сожалению, да. Яд ее очень силен. Сильнее, чем яд некоторых кобр. Зеленая мамба может нападать без видимых причин, как Вы могли убедиться. Спасти почти нет шансов. Змея кусает без предупреждения, а ее яд действует так быстро, что человек даже не успевает понять, что случилось: тут же умирает. За один укус он получает смертельную дозу яда. Противоядия я не смог найти. Пока что...

– Страшнее кобры? – уточнила я. – У Вас в коллекции есть кобра? Я хотела бы ее увидеть.

– Конечно! Вот она.

Мы отошли чуть левее, индус указал мне на другую змею. Она изящно извивалась, подняв голову, ее очков я не видела. Кобра смотрела на нас, словно понимала наш разговор.

– Эта змея не злобная и боится человека. Вернее, предпочитает с ним не ссориться. Однако если она почувствует Вашу злобу, то не будет долго думать и нападет.

– А она опасна?

– Весьма. Ее яд смертелен. Но в малых количествах он приведет к параличу, и тогда врачи могут спасти жизнь несчастной жертве. Но, скорее всего, пострадавший останется калекой на всю жизнь.

Кобра или зеленая мамба: чей яд выбрать? Пожалуй, одно другому не мешает.

Для отвода глаз я поспрашивала индуса об остальных рептилиях. Он рассказал мне много интересного. Я увидела лягушку с такими красивыми красками и узорами, что мое воображение было приятно поражено. Оказалось, что эти лягушки погубили сотни, если не тысячи людей.

Еще Рони показал мне, где чей яд хранится. Говорил о вязкости и смертельных дозах. Сообщил, что яд может храниться в сухом и теплом помещении очень долго, порой годами. Про себя я смеялась. Рони и не подозревал, что преподавал мне урок убийства...

Вскоре индус предложил чаю. Я поняла, что это мой шанс своровать яды. Мы вышли из комнаты пыток и отправились

в гостиную. Я запомнила, где лежит ключ. К счастью, комнату никто не охранял, а прислуги было не так много. Так что я могла зайти туда совершенно спокойно.

Мы пили чай втроем, Дэвид к нам присоединился. Позже я вышла якобы в женскую комнату. Сердце нервно билось в груди. Страшно: вдруг меня заметят? Но до комнаты я добралась спокойно. Взяла ключ, открыла ее, радостно и хитро улыбнулась и быстро вошла внутрь, закрыв за собой дверь.

Я зажгла свечу и подошла к полке с колбочками. В какой-то миг мне показалось, что, когда я проходила вдоль живности, они словно забивались в углы клеток. Крысы прятали морды в тела своих соседей. Но, наверно, это инстинкт самосохранения говорил им, что кто-то из них может умереть. Пауки и лягушки отползали от меня подальше, но, наверно, они просто боялись света от свечи в моей руке. Ведь не просто так окна здесь занавешены почти черным, плотным материалом. Но почему отползали даже змеи? Они не боятся яркого света. А еще стало тихо, никто не шуршал, не издавал ни звука. Странно и необъяснимо. Наверное, потому, что я не знаю природу этих созданий.

Поставив свечку на стол, встала на стул, чтобы дотянуться до яда из более дальнего угла. Каждая колбочка была подписана, правда, на хинди. Мне помогло то, что в скобочках я увидела латинский перевод. Взяла два яда: кобры и зеленой мамбы. Стыдно воровать! Но я украла их, украла для дела родовой чести. Надеюсь, коллекция моего индийского друга

не очень пострадает.

Чтобы запутать следы и подозрение в воровстве на меня не пало, я взяла еще несколько склянок и положила их в разных местах лаборатории. Но так, чтобы они органично смотрелись. Это не дает мне гарантированное алиби, но по крайней мере, возможность для маневра я себе оставила. Индус уже в возрасте, так что можно списать на забывчивость.

В колбочках достаточно яда; думаю, Блеку хватит. Мне и вправду не по себе от того, что я делаю. Никогда раньше я не воровала. Документы в приюте не в счет, ведь они мои. А тут – чужой дом, чужие вещи, и я краду то, что может станет лекарством для человека, а я хочу применить для убийства...

Я спрятала колбы в чулки, выдохнула и подошла к зеленой мамбе. Та свернулась в клубок и не шевелилась. От ее злобы не осталось и следа.

– Ты же никому не скажешь? – обратилась я к ней с едкой иронией. – Это ради науки. Ты ни одному человеку не дала выжить... А вдруг та мерзость, что убила моего отца, выживет после твоего яда? Это же будет сенсация! И все люди начнут пить его кровь, чтобы исцелиться от твоего смертельного укуса, дорогая!

Я ядовито, словно яд зеленой мамбы, улыбнулась:

– Мне пора! Приятно было познакомиться.

Я погладила себя по ноге, где под чулком спрятала яд. Вновь посмотрела на змею и искренне сказала:

– Спасибо.

Стоило мне направиться к выходу, как шорох и скрежет в комнате возобновился. Я пожала плечами и как ни в чем не бывало вернулась к Рони и Дэвиду.

После кражи я решила пораньше отплыть из Индии. То есть завтра: ведь нам еще скакать до Сурата. Я сказала об этом за ужином. Рони даже немного расстроился. И предложил в подарок, чтобы его дворецкий проводил нас до порта в Сурате. Мы могли легко заблудиться.

После мы с Дэвидом пошли домой, чтобы хорошенько отдохнуть для завтрашнего тяжелого дня. Я надежно спрятала яд в обшивку чемодана. Я была полна решимости убить Блека. Меня трясло от одной мысли, что это вполне реально. Конечно, яд можно достать и в Англии, но это труднее. И еще одна сторона... Мне нравилась красота преступления. Я везу страшнейший яд из Индии для человека, который лишил меня всего, кроме жизни. Да и ее он хотел отобрать, но ему не позволили родители, заплатив ужасную цену. Я думала об этом, и во мне все горело. Я была непоколебима, полна злости, ненависти.

Я вспоминала текст письма отца и представляла, как здорово было бы, если бы родители остались в живых. Ясно увидела, как знакомлю отца с Карлом. Они разговаривают об интересах, о торговле... Обо мне. А мы с мамой сидим возле камина и вяжем из шерстяных ниток. Рождество я смогла бы проводить с мамой и папой...

Мне их не хватает. Я стала бы другой, будь они рядом со мной. Но злость, циничность, холодность – все это я приобрела из-за тяжелой жизни, жизни одинокой. Если бы не Карл... Пожалуй, только после смерти герцога Роберта Блека я найду покой! Это справедливо. Наши предки выбирали кровную месть, поэтому все семьи уважали достоинство других. И с помощью страха и ужаса я заставлю бояться себя. План в моей голове идеален. Осталось лишь правильно воплотить его в жизнь, полагаясь только на себя. Никто не должен узнать о задуманном. Если Карл узнает, он не поймет меня и не простит. Я уже убивала. И соврала, что это была случайность. Хотя... С одной стороны, я не ожидала, что охранник приюта после удара умрет. Но с другой стороны, я всегда понимала: незачем было вкладывать столько сил в удар, если я не хотела убить... Но об этом я не стану думать. Так сложилось. Останься охранник в живых – я была бы рада. Но не за него, а за его родных. Он дурно обращался с детьми и часто бил нас. Конечно же, в приюте на это закрывали глаза.

Бог не наделил меня правом решать, кому жить, а кому умереть. Но если бы он дал мне этот дар, то мир был бы значительно лучше. С моим обостренным чувством справедливости я бы неплохо справилась с такой задачей. Я убью Блека и буду всем лгать. Перед лицом общества я останусь жертвой.

Отец предупреждал меня, что Блек хитер и безжалостен.

Что ж, тогда я подло нанесу удар со спины. Добьюсь своего. Если Роберт действительно умен, возможно, мне придется нелегко. Поэтому надо действовать наверняка, уверенно, смело, правильно и грациозно. Ну и, конечно же, не обойтись без актерской игры, которая по моему плану очень важна.

18 февраля 1775 года. Воскресенье

На мой взгляд, я проснулась с самыми подходящими мыслями для воскресенья.

Мы пообедали с Рони, пришло время прощаться. Дэвид попрощался и оставил нас наедине, а сам с дворецким свами отправился подготавливать лошадей.

Рони, склонив набок голову, сказал:

– Счастливого пути, Дамана Брустер. А что касается проклятия, графиня, забудьте. Любите и будьте любимы. Если что-то плохое все же произойдет, думайте о том, как вам было хорошо вдвоем. И в другой жизни Вы будете счастливей.

– Я запомню.

Было приятно слышать эти слова, хотя я не отнеслась к ним серьезно. Потом, когда мы выходили из дома, Рони вдруг спросил:

– Леди Брустер, а почему Вы решили связать судьбу именно с Карлом?

– Не понимаю...

– Вы рассказывали, что сам принц питает к Вам нежные чувства. Стефан – благородный наследник. А Вы выбираете кебмена, который живет с мамой. Этот молодой человек даже не служил... Почему Карл Норрис?

– То, что он кебмен, не лишает его благородства. Он живет с мамой не из-за слабости духа, а из-за того, что ей необ-

ходима помощь. Не служил – да, признаю, такое не заслуживает похвалы. Однако это, наверное, единственный минус, и несущественный, в остальном Карл безупречен. Он благороден и изящен, легко учится и быстро добивается того, чего хочет. Карл – это единственный человек, который смог удержать меня, который заставил меня полюбить его всем сердцем, отдаться без остатка. Я умею смотреть вперед и вижу: у Карла огромное будущее. В свете его невозможно отличить от аристократа. Он силен и духом, и телом. Я знаю, что он способен на великие дела. Карл – единственный мужчина в этом мире, которым я восхищаюсь и которого боюсь. Если Карл скажет «рядом» – я буду рядом. Скажет «нельзя» – и я не буду делать что-то поперек его слова. И самое замечательное – он не пользуется своим влиянием. Он ценит и уважает, что я поддалась ему. Карл никогда не предаст. Он всегда готов помочь и сказать то, что спасет человека. Он щедр и готов отдавать, ничего не требуя взамен. Все знакомые уважают его и доверяют ему. Карл силен, великолепен! Он прекрасен, словно бог, ласков и внимателен. Что самое важное – я знаю, Карл меня безгранично любит, он готов страдать ради моей улыбки. Принц... Да, Стефан – тоже хороший молодой человек. Но в нем нет того, что есть в Карле, – целеустремленности, лидерства, доброй души и искренней любви ко мне, Дамане Брустер, а не к графине... Карл – моя необходимость, ведь рядом с ним я чувствую себя защищенной, желанной, любимой, счастливой. Мне так тепло

и невероятно хорошо рядом с ним...

Я договаривала эту речь и чуть не прослезилась, потому что вспомнила Карла и поняла, как же я хочу к нему, как я хочу его хотя бы увидеть! Глубоко вдохнув, я продолжила:

– Если у меня есть такой мужчина, зачем мне другой? Зачем терпеть боль от других? Ведь любящий меня и любимый мною человек рядом, открыт мне.

Индуc мило улыбнулся, посмотрев в мои вдохновленные глаза:

– Безмятежной Вам любви!

У калитки я сказала:

– Благодарю Вас за все! Мы приятно провели время. Будете в Лондоне – прошу Вас, зайдите ко мне в гости! Я всегда рада Вас видеть!

– Обязательно зайду.

Напоследок мы поклонились друг другу и распрощались.

В пять часов вечера мы направились в Сурат. Всю дорогу я молчала и думала о Карле. Паника меня до сих пор не покинула, но я, как обычно, гнала дурные мысли из головы. Ближе к полуночи мы добрались до порта. Капитан Кук удивился, он ожидал увидеть нас завтра вечером.

Дэвид, я и солдаты поднялись на борт. Дорога нас очень сильно утомила, и мы погрузились в сон. Капитан не счел нужным отчаливать ночью, поэтому мы тронулись утром.

Вне времени

Мы плыли в Лондон. Впереди – шесть дней пути. Но я была рада. У меня словно выросли крылья. Каждый день, просыпаясь, я понимала, что уже на сутки становлюсь ближе к дому. А это значит, что вскоре вернется и Карл, мы наконец встретимся...

Я очень довольна путешествием. В нем было все! Я доби-
лась выгодного контракта, успела соблазнить красивого ара-
ба, познать восточную и индийскую культуру. Еще познако-
милась с родственником, с которым меня объединяют самые
слабые и еле видные узы. Украла яд, чтобы отравить Блека.
Прodelала путешествие из одного города в другой верхом
на лошади, это осталось ярким впечатлением. И вот сейчас я
еду в Лондон и скоро встречу с Карлом. Я поняла, что на-
ши отношения выдержали испытание временем и разлукой.

Как-то раз капитан Кук стоял за штурвалом, и у нас завя-
зался разговор, в котором я спросила:

– Капитан. Вы так много повидали, были почти в каждой
стране, многое знаете...

– Вы слишком хорошего мнения обо мне, – отшутился
Оливер.

– Но оно верное. Я хотела у Вас спросить. Наверное, Вы
слышали, что в доме Брустеров есть потайная комната?

– Да, слышал.

– Я тоже слышала, но не знаю, где она, родители не успели мне рассказать. А найти ее хочется. Скажите, но разве в старинных домах могут быть потайные комнаты? Когда их планировали архитекторы и возводили строители... Почему они тайные, ведь столько людей знали о них? Я решила найти предка архитектора своего дома и спросить, где потайная комната. Как Вы думаете, он может знать?

– Сомневаюсь. Обычно после строительства таких комнат избавлялись от лишних языков.

– Этого не может быть... Моя семья не могла убить, чтобы сохранить тайну.

– Вы сами сказали, что не видели эту комнату. Возможно, это просто слух.

– Да, наверняка.

В моем воображение образовалась вереница мыслей: тайная комната, средневековое убийство «языка», проклятие Брустеров и моя жажда крови... Я крепко сжала, а потом открыла глаза отогнав от себя эту цепь вспышек картин.

Кук продолжал говорить:

– Не всем можно доверять. Тем более – когда дело касается большой тайны. Несколько веков назад не задумались бы и просто убили, лишь бы сохранить ее.

– Но ведь можно просто пригрозить!

– Смерть более надежна, чем угроза. Вот Вы доверяете работникам в шахтах, которые добывают для Вас золото, алмазы...

– Да. У меня есть причина.

– И какая же, интересно? – улыбнулся капитан.

Я поправили волосы, которые развевались на ветру, и ответила:

– От продажи украшений зависит плата. От работы в шахте – тоже. Чем больше работник находит камней, тем больше он получит денег, и наоборот. Справедливо?

– Да. Но это не значит, что они не будут воровать.

– Конечно. Но каждого в конце дня всегда тщательно проверяют. А проглотить необработанный камень достаточно опасно. Вот алмаз, например, очень острый. Он может разрезать горло, желудок... Кто пойдет на кражу, которая кончится увольнением или смертью?

– Но золото можно глотать по маленьким кусочкам, и ничего страшного не произойдет.

– Это уже не моя забота. Контракт с Алжиром обязывает их поставлять мне некое количество материала. За что я им и плачу.

– Вас не провести, графиня, – аккуратно спросил Кук, намекая на мою надменность.

– Не думаю. Меня папа и дедушка научили. А совсем недавно в кабинете я нашла план, по которому действовал мой отец. Так что это его школа.

Спокойствие нашего плавания нарушилось только раз. Корабль попал в шторм, как и предвещал капитан. На палубе работали все, даже Дэвид и солдаты. Мне было страшно,

и я сидела в каюте, поджав ноги, и думала: возможно, поэтому меня накрывала тревога? В путешествии у меня было очень много времени на раздумья. Вот что, например, однажды я решила. Всю жизнь после смерти матери я хотела вернуть себе титул, вернуть имя, чтобы жить среди аристократии. И вот сейчас я живу среди них, выхожу в свет, бываю на балах, в театрах, в опере. Теперь я вижу всю эту изысканность. Потрясает воображение, если задуматься... Сейчас я не просто могу прикоснуться к мечте, теперь я сама – часть желания, которое когда-то казалось мне недостижимым.

Ночной шторм потрепал нам нервы, но капитан Кук остался непоколебим. Он грамотно отдавал команды, матросы слушались беспрекословно. Спустя два часа мы вышли в более спокойный участок, и волны перестали биться о борт.

Наутро море выглядело полностью спокойным и гладким. Дэвид поделился впечатлениями о ночи. Ему понравилось бороться со стихией. Но Дэвид говорил, что на суше ему лучше, он не хотел быть моряком.

Вечерами, почти по традиции, мы собирались на палубе и отдыхали, конечно же, без выпивки. Просто танцевали, рассказывали истории и пели. Я иногда рассказывала мифологические истории, одной из них стал миф о Лаокооне. Мои греческие сказания пользовались успехом.

На пятый день путешествия я не находила себе места. Мне хотелось прыгнуть в воду и поплыть. Казалось, что так я быстрее окажусь в Лондоне. Но, конечно, это была иллю-

зия. Я бездельничала и потому умирала от скуки. Даже мыла посуду, чтобы развеяться. Прочитала множество книг, уже не из своего запаса, а из библиотеки капитана Кука. Свифта, Дефо, «Утопию» Томаса Мора. Развивала логику за загадками и ребусами. Все это – чтобы не думать о Карле. Я стала похожа на драматическую героиню какого-нибудь Аристотеля. Хотя он, конечно же, не какой-нибудь... Просто слабость и вспыхнувшие чувства меня убивали. Я стала ощущать себя уязвимой. Но... пусть! Наплевать! Я могу чувствовать все что угодно, лишь бы не растерять гордость и авторитет.

25 февраля 1775 года. Воскресенье

В пять часов вечера мы прибыли в Лондон. Лондон встретил нас прохладой, но я все равно была безгранично счастлива. Я поблагодарила всех, кто сопровождал меня в путешествии, заплатила капитану, записала его адрес, чтобы в будущем пригласить Кука с семьей в мой дом.

Я, Дэвид и солдаты сошли на сушу. Я расплатилась с ними и отпустила довольных ребят домой. Дэвид взял мои вещи, и мы отправились искать кеб. Он проводил меня до дома, где нас встретил мистер Леджер. Дворецкий радостно улыбался. Мы немного побеседовали, и мой друг отправился к себе домой, ведь и он не железный, соскучился по родным. А завтра ему нужно было возвращаться в казарму.

Нет большего счастья, чем стоять на родной земле.

Прислуга наполнила мне ванну. За время моего отсутствия мистер Леджер нанял на работу новых трудяг. В том числе и молодую девушку в помощь лично мне. Я не нуждалась в человеке, который мыл бы меня, поэтому ее трудовые обязанности были достаточно ограниченными и часто она работала на кухне. Но девушка очень выручала меня, когда надо было: затянуть корсет, поправить прическу, купить мне необходимые косметические средства и подобные вещи. Новые работники, как был уверен мистер Леджер, являлись острой необходимостью. И нанятые им, оказались куда более

представительнее, чем те, что выбрала я. Вот что значит — опыт.

Я с радостью нырнула в воду, чтобы хоть немного смыть загар. Аристократке не подобает ходить со смуглой кожей. Следом дворецкий напоил меня чаем, и за столом я немного рассказала ему о путешествии. Но вскоре я оделась и отправилась в гости к миссис Норрис. Дворецкий пытался уговорить меня лечь спать, чтобы отдохнуть, но я отказалась. Из-за неусидчивости Леджер сравнил меня с мамой, что я посчитала комплиментом.

Карета привезла меня к дому, с которого началась моя новая жизнь. Свет в окнах не горел, я видела свечи только в коридоре. А это значило, что жители собрались в гостиной для чаепития. На втором этаже, в комнате, где жила миссис Ричардс, было светло. Либо она не пошла в гостиную, либо, что более вероятно, Кира, как обычно, сидела одна. Что же с ней такое? Меня это всегда интересовало, но ответ я не искала.

Закрыв горло от ветра, я легко взлетела на ступеньки. Дверь была заперта, но миссис Норрис разрешила мне сохранить ключ. В прихожей оказалось тепло. Знакомая обстановка согрела мне и душу. Повесив пальто на вешалку, я отправилась к гостиной. Услышала голоса дорогих мне людей и вошла внутрь.

Горел камин, джентльмены курили, леди общались. От отдыха отвлекла их только я. Миссис Норрис, прямо как

в первый день нашего знакомства, подскочила, словно резко проснувшись. Она выкрикнула: «Дамана!», быстро подошла, крепко обняла меня и расцеловала мне все лицо. Я в ответ тоже ее жадно обняла. Вскоре она меня отпустила, и я смогла рассмотреть жильцов. Все мужчины встали. Среди них был Питер. Я остановила на нем взор и поняла, что он лучше Османа... И тянет к себе не меньше. Салли назло мне тяжело выдохнула и недовольно села. Питер же заботливо смотрел на меня и улыбался.

– Миледи, Вы же должны были вернуться завтра, – сказал он, подходя ближе. – Я хотел Вас ехать встречать.

– Не стоит утруждаться, я уже в Лондоне. И видит бог... Я так этому рада!

Мы обнялись, Пит поцеловал меня в щеку. Я, счастливая, готова была расцеловать каждого. Почти с каждым так и произошло, кроме Салли, ей я просто кивнула. И кроме мистера Смита и Брауна, они поцеловали мне руки, причем в шутку, каждый из них взял себе по одной моей руке одновременно. А еще миссис Ричардс, она, добро улыбаясь мне, кивнула, а я поклонилась. Это заметно польстило ей.

Меня усадили в середину дивана, и я не успела начать рассказывать, как мистер Браун задал вопрос:

– Контракт с Алжиром подписала?

– Так сразу хотите поговорить о работе? – пошутила я.

Эмма шлепнула его по плечу:

– Ну что ты, в самом деле? Расскажи, как и что видела?

Миссис Норрис налила мне чаю и дала домашнее печенье.

– Спасибо, – сказала я. – Давайте о делах не будем сегодня? Поговорим о них во вторник. Завтра я еще не буду в силах начать работать. Так что у Вас завтра выходной, – сказала я, посмотрев на мистера Смита, Брауна и на Питера. – Отдыхайте. Скажу только: контракт подписан и лежит у меня дома. Все прошло успешно.

– Отлично, – похвалил меня Питер. – Я в тебе не сомневался!

– Поздравляем!

– Да, это моя победа. Миссис Норрис, Карл писал вам?

– Да, дорогая моя.

– Как у него дела? Что рассказывает? У него все хорошо? Меня просто не покидают дурные мысли... Я не могу от них избавиться! Карл здоров?

– Дамана, – успокаивающим голосом сказала хозяйка. – Все хорошо. Он писал два раза. В последнем письме говорил, что вернется, как и запланировано, четвертого марта, что хочет домой, по всем скучает. Очень много пишет о тебе...

– Правда? – я растаяла от этих слов. – А что пишет?

– О господи! – злобно фыркнула Салли.

Меня рассмешил ее тон. Хотя, судя по улыбкам собравшихся, я действительно выглядела забавно с этими вопросами. Я пожала плечами, повернулась к миссис Норрис и сказала:

– Поговорим о Карле позже, хорошо? Что касается путешествия. Я всем привезла сувениры! Алжир мне понравился, но не страна, а традиции и народ... К слову о традициях! Кейт, ты как-нибудь мне и Карлу уделишь внимание? Мы хотели бы взять уроки танцев. Ходим на балы, а сложных танцев не знаем. Танцуем только самое простое и известное.

– Хорошо, – ответила Кейт. – Только скажи, когда.

– Сразу, как вернется Карл. В Алжире нас с Дэвидом встретил араб, он плохо говорил по-английски...

Мой рассказ был долгим, но, видимо, не утомительным. Все слушали меня с любопытством и задавали вопросы. Я рассказала все, кроме того, что у меня было с Османом. Думаю, Питер и миссис Норрис этого не оценили бы... Но о самом арабе я, конечно же, рассказала. Описала султана и праздник, который он устроил в честь меня. Рассказала о кальяне и танце живота, о верблюдах и верховой езде. После я перешла к Индии и к своему умершему родственнику. Трогательный рассказ.

Когда я говорила о Рони, я вспомнила, что забыла достать из чемодана яд. И надеялась, что Джим Леджер не станет разбирать мои вещи... Но это могла сделать и гувернантка... Такой вот минус жизни аристократа: прислуга может и подать горячую ванную, и найти пикантные вещи, касающиеся личной жизни. Конечно, это не их дело, из-за страха увольнения и ради рекомендаций они станут молчать. Но все равно неудобно.

Ближе к вечеру мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись. Я очень необычно выглядела в своей старой компании. Теперь я стала леди, стала одеваться иначе, следить за собой, мои манеры стали более выразительными. В этом доме жили не самые бедные люди Англии, но все равно нехватка денег сказывалась. Я выделялась среди них. И хорошо, что только внешне. Никто из жителей не стал относиться ко мне хуже. Однако, хоть очень редко, я замечала завистливые и недовольные взгляды. Возможно, я сама виновата, так как иногда допускала, например, вычурные или слишком изысканные жесты. Но от этого беседа не становилась хуже. Я, как и раньше, помогала убирать посуду, мыла ее, была общительна и дружелюбна. Питер постоянно умилялся, когда видел, как я в дорогом наряде мою тарелки.

Мы с миссис Норрис пошли в ее гостиную и сели на диван.

– Что Карл писал обо мне?

– Дамана, я не буду тебе рассказывать.

– Почему?

– Он так просил.

– Не понимаю...

– Ну разве ты не знаешь нашего Карла? Он многое писал, но просил не передавать, хочет сказать тебе все сам, лично.

– Мне так сложно! Я не могу терпеть, мне так его не хватает. Я каждую минуту вспоминала о Карле и готова была рыдать от того, что мы в разных концах света! Прошу вас, расскажите! Иначе я с ума сойду!

– Хорошо, но только не смей ему говорить, что я тебе рассказала! Обещай мне!

– Обещаю, миссис Норрис.

Я подняла правую руку и сделала серьезное лицо.

– Хорошо, уговорила. Он тоже по тебе очень скучает. Писал, что еще не было сна, в котором ты не приходила бы к нему. В последнем письме говорил, что ему так осточертела разлука, что он хотел взять шлюпку и доплыть до Алжира или Индии. Писал, останавливает его только то, что надо завершить дело. Ему одиноко без тебя.

Видимо, я сияла. Миссис Норрис улыбнулась:

– Ты счастлива? Но не можешь представить счастья, которое испытывает мать, когда понимает, что ее сын влюблен без памяти.

– Я очень надеюсь, что Карл даст мне возможность почувствовать эту радость за сына...

Мы еще немного поговорили, и вскоре я стала собираться домой. Я надевала пальто в прихожей, когда из гостиной вышел Питер.

– Ты еще не спишь? – спросила я.

– Я решил почитать, – он показал мне книгу. – Ты уходишь? Тебе взять кеб?

– Нет, меня ждет карета...

– Тогда позволь я тебя провожу.

– Позволю, почему бы и нет.

Я поцеловала миссис Норрис, обняла ее и сказала:

– Была рада вас повидать!

– И я тебя! Заезжай почаще.

– Хорошо.

Ричардс положил книгу на подоконник, открыл мне дверь.

– Ты не читал в гостиной, – заметила я. – Ждал возможности побыть наедине?

Питер поравнялся со мной. Мы смотрели друг другу в глаза, и он ответил:

– Одно другому не мешало.

Мы зашагали в сторону кареты, и Питер признался:

– Мне было тяжело без тебя. Как будто части меня не хватало...

– Так же тяжело, как тогда, когда Салли уехала?

Я засмеялась, а Питер немного обиделся:

– Дамана, перестань! Не надо себя сравнивать с Салли. В моей жизни ты никогда не займешь ее место.

– Справедливо... Ты знаешь, и я по тебе скучала. Но не так, как по остальным. Ты понимаешь, о чем я...

На самом деле я соврала. Я редко вспоминала о Питере. Да и то в тех случаях, когда понимала, что Али действительно напоминает мне его.

– Да, понимаю. Поэтому и искал повода побыть наедине.

Кучер открыл дверь кареты. Взобраться внутрь мне помог Питер. Он продолжил:

– Может, я к тебе завтра приеду? Разреши, хотя бы нена-

долго.

– Пит, о чем ты спрашиваешь?! Я буду ждать тебя к двум часам. Но что ты скажешь Салли?

– Ничего. Приеду ненадолго.

Я впервые молча поблагодарила Салли за то, что она есть в моей жизни. Питер мил, и даже слишком... Поэтому мне тяжело держать себя в руках. Питер поцеловал мне руку, я маняще поцеловала себя туда же. Я могла себе это позволить, ведь меня, в отличие от него, никто не мог увидеть. А что значат эти жесты, понятно каждому. Мы с Питером друг по другу скучали...

– С возвращением, – сказал Питер, в шутку качая головой, якобы жуя меня.

Я изящно развела руками, как бы показывая – вот она я!

– До завтра!

Потом два раза постучала по кабине, и карета тронулась. Питер провожал меня взглядом. А я ехала домой, не понимая, зачем так откровенно заигрываю. Ведь завтра Питер сможет тоже задаться этим вопросом. Пальчиком маню, мужчины подходят, а потом отворачиваюсь от них. Врать не буду, мне это просто нравится!

26 февраля 1775 года. Понедельник

День оказался удачным на мужчин. Их сегодня было много. Причем каждый приходил в разное время суток, они не столкнулись друг с другом. Так нарочно не сделаешь...

Утром ко мне зашел Уэйн. До него и крестного дошел слух, что я вернулась. Брат появился вовремя, прямо к моему завтраку. Мы поели и поговорили. После завтрака решили прогуляться. Уэйн не очень красив, но привлекателен. Он мог быть популярен у женщин. Но нельзя: не позволяет религия. Он лишился бы многого, в том числе права стать епископом. А Уэйн метил в эти степи.

Мы дошли до кладбища, поговорили об умерших. Потом брат увидел церковь и спросил:

– А почему за часовней никто не следит?

Часовня на самом деле выглядела старой, обветшалой и неухоженной. Мне не понравилось, что она так портит вид.

– Да, ты прав! Надо отреставрировать. Просто много дел навалилось. За всем невозможно уследить. Я займусь ею.

– Давай зайдем?

– Не стоит.

Уэйн оглянулся, словно пытаясь поймать меня на чем-то. А у меня мурашки по коже побежали от его предложения. Мне была противна эта мысль.

– Почему? – спросил Уэйн.

Его мудрые глаза словно поглощали меня. А меня злило, что кто-то пытается затащить меня в церковь. Уж лучше в постель! Хотя нет, я уж слишком преувеличила. Но смысл в этом...

– Уэйн, там грязно, все зачихло. Зачем на это смотреть? К тому же ключей у меня нет. Приведу ее в порядок, тогда и зайдем. Обещаю! А сейчас не надо меня вгонять в краску... Прошу.

– Хорошо, – улыбнулся Уэйн. – Поймал тебя на слове.

Мы продолжили прогулку и, конечно же, успели заговорить о Боге и о религиях. Во многом я спорила с братом, но в чем-то и соглашалась. Иногда мне казалось, что ему нравится играть роль моего духовного наставника. Ну а я не возражала, потому что на мое мнение сложно повлиять. А если ему приятно, то почему бы и не дать возможности повоображать. Мне нравилась чистота и наивность Уэйна, а иногда в его словах можно было услышать полезный совет.

Вскоре брат ушел, пообещав передать от меня привет крестному. После я отправилась в кабинет разложить недавно подписанные документы и спрятала яд в дальнем углу ящичка. Я приказала мистеру Леджеру, чтобы он нанял кого-нибудь заняться часовней, и отдала ключ от нее.

После я, услышав стук копыт, вышла в столовую. Из нее было видно, кто приближается к дому. Явился Питер. Он, элегантно одетый, шел плавной походкой, которая впечатлила меня. Я сложила руки на груди и наблюдала за ним. Раз-

дался звонок. Я знала, что дворецкий далеко, и решила открыть сама.

При свете зимнего дневного солнца серые глаза Питера казались еще ярче. Он вошел и поцеловал меня в щеку. Мы обедали вместе. И разговоры шли уже на другие темы. После перебрались в бильярдную, где курили, пили вино и играли. Как-то завязался разговор об измене. Мы долго осуждали людей, которые этим занимаются, и сошлись во мнении, что если бы изменили своим половинкам, то только друг с другом.

– Я изменил бы Салли с тобой, – говорил Питер. – Но знаю, что ты не можешь предать Карла. Поэтому не могу даже пытаться.

– Ты очень чуток.

Дело не дошло до поцелуя, так что вчера я зря нервничала. Но, возможно, Питер просто знал, что не стоит далеко заходить. Мы, как обычно, флиртовали, мне было хорошо с ним и позволено абсолютно все. Я как хотела, так и вела себя.

Мы вдвоем прогулялись до конюшни и навестили жеребят. Они подросли, что не могло меня не радовать. Мы с ними немного поиграли, потом я расчесывала своего жеребенка, чтобы он привыкал к хозяйке. Скорей бы он подрос. Каждый раз находить себе карету или кеб утомительно, хотя этим занимается прислуга. Будь у меня взрослая лошадь, я могла бы отдавать приказ, чтобы ее оседлали, и сразу отправляться туда, куда нужно. В конюшне мы встретили Бил-

ли. Я похвалила его за то, что он так быстро построил большой, внушительный и вроде надежный загон для лошадей.

Вскоре Питер поспешил к Салли, а я занялась домом. Раньше он была увешан картинами, но после смерти родителей их зачем-то сняли и положили в спальни для гостей на третьем этаже. Я велела протереть от пыли картины и расставить, чтобы я могла их осмотреть. Примерно часа через два дворецкий оповестил меня, что все готово. Мне стало ясно, что за один день я не смогу развесить их правильно. Поэтому я стала ходить по основным комнатам и думать, какую картину куда повесить.

В переговорную, кабинет, библиотеку и столовую я решила отправить портреты членов семьи Брустер и всех, кто так или иначе принадлежит к ней. В кабинете я оставила два места. Справа от меня – для Карла, а на противоположной стене – для миссис Норрис. Позже там появились их портреты.

В коридоре, справа от главного входа, я решила повесить огромную картину, ее маленькая копия была у меня. Тот самый портрет, который я нашла в старой квартире. Я, мама и папа.

В гостиную отправились пейзажи, а в балльный зал – пейзажи, натюрморты и совместные портреты. Также я придумала, что повесить на стенах вдоль лестницы, в каждой спальне для гостей, в коридорах, на кухне, в спальнях для слуг.

Больше я ничего не успела сделать, потому что ко мне на ужин около семи вечера пришел Стефан. Он принес цве-

ты.

– Такую новость сегодня услышал в порту, – начал принц, отдавая мне букет. – Оказывается, миледи Брустер прибыла в Лондон вчера вечером, судя по записям смотрителя. Я стоял в порту сегодня и думал...

– О боже, – проговорила я, поняв, что принц понапрасну ждал моего прибытия.

– «А почему никто из знакомых графини ее не встречает? Ведь она должна уже появиться?»

– Ваше Высочество, простите! Если бы я знала, что Вы хотите меня встретить, я бы обязательно Вас предупредила!

Я говорила с принцем уважительно, чтобы подчеркнуть, как глубоко я раскаиваюсь. Дворецкий забрал у меня цветы и спросил:

– Когда подать ужин?

– Прямо сейчас. И пожалуйста, на двоих.

Дворецкий сделал легкий поклон и ушел, я же предложила принцу:

– Позвольте Вас угостить ужином?

– С радостью приму это приглашение.

Стефан поцеловал мою руку. Он щеголь, в этом нет сомнений, но мне нравилось разговаривать с ним. За обедом у нас вышла весьма интересная беседа. Я рассказывала, что в Алжире и в Индии все очень резко делится на бедных и богатых.

– Некоторые государства не способны к ровной жизни, –

говорил принц.

– Понимаешь, в чем дело... Чем лучше живет народ, тем лучше живет страна. Местная знать тратит деньги и ставит под удар экономику, потому что отправляет их не в то русло! Неужели непонятно, что если сейчас богатые сырьем страны расцветут, то награть можно будет значительно больше. Как у нас в Англии...

Стефан с диким изумлением посмотрел на меня, чуть не поперхнувшись вином:

– Графиня, я не ослышался?

– Наши налоги... Это просто уму непостижимо! И причем абсолютно на все! А налог за мужчин-прислуг выше, чем за женщин. Объясняется тем, что труд женщин оплачивается ниже. Кто это вообще придумал? Скоро за воздух придется платить!

– Дамана, наша страна умеет управлять своими деньгами, и обвинять ее в коррупции нет смысла и даже повода.

– Потому что она стала официальной, в виде налогов. Приведу пример. Я имею право судить, потому что жила среди обычных людей...

Я подробно рассказала о том, как мы чуть не потеряли общежитие. Принц внимательно выслушал меня и ответил:

– Дамана, сложно объяснить обычному человеку, что большие налоги – это необходимость.

– Тогда объясни мне, необычному человеку. Если государство не может обеспечить народ, то с какой стати народ

должен обеспечивать государство?

Стефан рассмеялся, поставил бокал, наклонился чуть ближе ко мне и сказал:

– Я отвык разговаривать с представителем семьи Брустер. Народ обеспечивает и наше проживание. От налогов, Дамана, и ты получаешь свою долю!

– Мизерную...

– Однако она есть!

– И она мне не нужна! Готова вернуть ее человеку, который мне дал эти деньги.

– Если бы не налоги, мы бы не жили в таких дворцах. – Стефан откинулся на спинку кресла и развел руками, указывая на мой дом. – Ты готова от этого отказаться? Только ответь мне честно! А иначе наша беседа не имеет смысла.

– Во-первых, из нас двоих, Стефан, только я жила в постоянном дворе и... и в церковных стенах, – я чуть не проговорила о приюте. – Так что ответ очевиден. Во-вторых, мои предки наследовали эти земли. А дом построили далеко не на деньги от налогов, а за счет прибыльности семейного предприятия. И многие аристократы занимаются своими делами или работают на должностях, что даровал им король и неплохо зарабатывают. Однако нет: мы получаем прибыль и хотим еще еле заметную долю налогов. И пускаем ее на карманные деньги детей или на безделицы.

– Это моральная сторона, – серьезно сказал принц. – А теперь попробуй подумать о том, сколько стоит королевству

обеспечить народ удобствами. Какой нужен бюджет, чтобы развивать разные отрасли. Кто будет кормить армию? И главное, не забывай, мы – великая морская держава, и должны ей остаться. А иначе лицо Англии будет утеряно. Еще есть промышленность, сельское хозяйство и многое другое, что также требует содержания на достойном уровне. Англия учит детей, подростков, дает им образование. А как же медицинская помощь? Государство многое дает народу бесплатно, Дамана.

Это могло бы поставить меня в тупик, но мне в голову пришла одна идея:

– На это надо брать денег столько, сколько нужно. На мой взгляд, должно хватить. Расскажи мне, зачем брать лишнее?

– Бывает по-всякому. Например, остаются жены или дети одни, их муж или отец умирает. А они из знатного рода, который много сделал для королевства в свое время. Таким семьям выплачиваются достойные деньги. Государство обязано отдавать долг героям. Ты бы тоже могла претендовать на содержание, если бы захотела. Но ты унаследовала действующее семейное предприятие, так что вряд ли тебе это нужно.

Я почти была побеждена, но скептицизм меня не покинул:

– А остальное?

Стефан жалко улыбнулся, сделал глоток вина и ответил:

– По разным карманам... Но эти суммы небольшие!

– Смотря для кого, Ваше Высочество.

Принц улыбнулся, встал и подлил мне вина.

– Еще не малая доля отправляется в экономический резерв. Мы можем долго вести этот разговор, Ваше сиятельство.

Интересно, сколько мне нужно выпить, чтобы избавиться от мыслей о Карле? Стефан произнес красивый тост в мою честь, и мы сделали по глотку. Пили бокал за бокалом, так ушло две бутылки вина. Нам было очень весело, и, наверное, поэтому показалось, что надо еще выпить. Дворецкий принес джина с соком.

Неожиданно принц встал, взял меня за руку и повел к роялю. Усадил меня и сел рядом. Мы играли в четыре руки и смеялись, как пальцы путаются в клавишах. Потом я стала делать вид, что не хочу играть, запнулась. Наступило неловкое молчание. Я положила голову Стефану на плечо, руку на грудь и начала жаловаться, что у меня ничего не получается. Конечно же, это была игра. Но принц вдруг закаменел, словно протрезвел, когда я прильнула к нему. Он робко, несмело положил руку мне на плечо, еле касаясь его. Я поняла, что, видимо, зря это сделала. Просто не думала, что на принца это произведет такое впечатление. Медленно подняла голову, и наши лица оказались очень близко. Стефан нежно смотрел на меня, а я проговорила:

– Получилось, как ты и хотел. Я приехала раньше, чем Карл.

Но, к сожалению, я вспомнила, что это предлагал мне Пи-

тер, а не Стефан. Но я сделала вид, что якобы читаю его мысли.

Принц безмолвно кивнул. Я почувствовала, что он сейчас сделает то, что мне не понравится. Его влюбленные глаза меня напугали. Но я надеялась, что этого не произойдет.

Стефан, видимо, расценил мою задумчивость как согласие. Потянулся, чтобы поцеловать меня. От страха меня прошиб холодный пот. Он приятный молодой человек, но я не могу принять его, как своего мужчину. Испугавшись, я отвернулась. Принц понял, что я не хотела целоваться, резко встал и начал извиняться:

– Прошу Вас, графиня, простите! Мое поведение непозволительно! Я уйду и не вернусь, если вы больше не захотите меня видеть. Но прошу: простите меня миледи. Я не хотел оскорбить Вас, напротив, очень уважаю, Вы для меня очень много значите с самого раннего детства. И это не позволяет мне себя так вести... Я, пожалуй, уйду.

Я слушала его, и мой страх вмиг улетучился. Стефан – истинный джентльмен, правильно воспитанный, с честью. В какое же неловкое положение я его поставила, что сейчас он не может найти себе места и перешел на разговоры по титулам. Я встала, взяла его за руку. Принцу было стыдно смотреть мне в глаза. Я хотела его успокоить:

– Ваше Высочество, это недоразумение. Все хорошо, я на Вас не в обиде!

– Миледи, мне очень стыдно. Я не знаю, о чем я думал!

Хотя... конечно же, о Вас...

Последние слова он сказал тихо, отвернувшись от меня. Я решила не обращать внимания на это и продолжила, пытаясь умирить страсти:

– Ты не виноват. Просто вино ударило нам в голову.

Стефан взялся за лоб и отрывисто заговорил:

– Дамана... Тогда я вечно пьян! В том-то и дело: я давно хочу, чтобы это произошло! Я мечтаю поцеловать тебя с детства. Ты неглупая девушка и наверняка знаешь, что я чувствую. Но сказать это в глаза никак не мог набраться смелости! Сейчас мне терять нечего, я все испортил. Зачем я потянулся к тебе?! Дурак! Прости... Леди Брустер, похоже, я Вас люблю! Я верю в это с детства. Однажды ты ушла от меня на другой свет, и сейчас мне кажется, что если ты не станешь моей, то я потеряю тебя, когда ты будешь замужем за другим. Меня эта мысль убивает. Я не могу этого допустить, пытаюсь что-то делать, но ты никак к себе не подпускаешь.

Еще одно признание в любви. Приятно, но печально, что мне нечем его успокоить или обнадежить.

– Стефан, я принадлежу Карлу.

– Нет, Дамана!

Принц взял меня за левую руку и начал гладить безымянный палец:

– Пока здесь ничего нет, ты для меня свободна. Это значит, что я должен добиться тебя!

Принц говорил уверенно и жестко. Целеустремленный,

значит. Но меня это не подкупило:

– Стефан, к сожалению, мне кажется, что у тебя ничего не получится.

– Я надеюсь на другое.

Наступило молчание. Я села обратно за рояль и начала наигрывать вальс. Принц подошел к окну и смотрел в ночь, слушая меня.

– Похоже, я тебя настолько поразил, что ты перестала запинаться?

– Хорошая шутка, – улыбнулась я. – Но ты меня не поразил. Даже наши отцы хотели нас поженить. И ты прав, я знала, что ты равнодушен ко мне. Но я не могу ответить взаимностью никому.

– Никому? Нас, получается, много? – обеспокоился принц.

Я ухмыльнулась, посмотрела на клавиши и ответила:

– Это будет моей маленькой тайной. Ты не против?

Конечно же, он не был против. Но принц заверил, что будет добиваться моего расположения.

– В скором времени начну давать балы, – я сменила тему.

– В Вашем доме они всегда проходили хорошо. Даже мальчиком я это заметил.

– Их сложно устраивать?

Принц дал мне несколько полезных советов. Напряжение пропало, и мы легко и мило поболтали. Так закончился вечер.

27—28 февраля, 1 марта 1775 года

Это три дня для меня стали такими же. Я купалась в мужском внимании. Днем работала, училась, как обычно. А вечера проводила в компании Питера или Стефана. И ничто не предвещало беды...

Во вторник вечером мы с принцем отправилась на праздник к одному барону. Мужчины, поняв, что я пришла одна, начали проявлять ко мне внимание. Делали комплименты, приглашали на танцы, ухаживали за мной. Принц решил никуда от меня не отходить. Вскоре приехал король, с которым я провела много времени. До дома меня проводил Стефан.

В среду Питер был у меня дома. Но приехал Стефан, наверное, он надеялся застать меня одну. Однако принц мне начал надоедать, и я решила избавиться от него. Мы с Питером убедительно объяснили Стефану, что работаем и нам много еще надо обсудить. Принц – воспитанный молодой человек, он не стал мешать и откланялся.

В четверг, конечно же, вечером приехал Стефан. Мы поужинали, и все было хорошо. Однако поссориться успели. Началось все с того, что я сказала, что всего лишь через три дня возвращается Карл и что я по нему очень скучаю. Принца это задело за живое. Хотя из них двоих как раз у Карла есть право на то, чтобы мне выказывать недовольство. Однако Стефан предложил мне больше не вспоминать о Карле.

В пылу ссоры мы перестали следить за словами. И принц называл моего любимого лакеем и прислужником. Я очень разозлилась и выгнала из дома Стефана. Он крикнул напоследок, что я не должна принадлежать Карлу, который недостойн меня. Я произнесла, что на это отвечала уже очень многим.

Моей вины тут не было. То, что я говорю о Карле, это в порядке вещей. Приближался день возвращения, и я была счастлива. Но время тянулось невозможно долго. И коротать его с кем-то было легче, чем одной.

Кто бы мог подумать, что возвращение так затянется...

2 марта 1775 года. Пятница

День для меня стал ударом. Таким же сильным, как день смерти матери, когда я окончательно потеряла всех близких. Я не понимаю, за что судьба со мной так обходится?

С утра в кабинете собрались мои бывшие соседи и нынешние работники. Все шло своим монотонным чередом. В начале четвертого постучался дворецкий и сказал, что прибыл принц. Я ответила, что занята, но Леджер настаивал. Это же принц, говорил он!

Не дождавшись приглашения, Стефан ворвался в кабинет. На нем лица не было. Волосы растрепались, что раньше я за ним не замечала. Наверно, он пришел в очередной раз извиняться. Принц не знал, с чего начать. Он сглотнул и проговорил с тревогой:

- Графиня Брустер, я хочу с Вами поговорить.
- О чем? – спросила я, гордо вставая.
- Наедине...
- Эти люди все обо мне знают. Можете говорить при них.
- Но при них я бы не хотел...
- Значит, это не так важно! Я занята, будьте добры, зайдите в другой раз.
- Нет... Сейчас. Мы можем выйти? Это срочно.
- Ваше Высочество, я работаю, Вы меня отвлекаете!
- Это о Карле...

– Вы вчера о нем уже все сказали!

– Я не хочу говорить... но я обязан...

И тут мне стало страшно. Внутри что-то словно закричало, ноги ослабели. Я вспомнила о дурном предчувствии и начала молиться, чтобы моя интуиция дала осечку...

– У Вас какие-то вести о Карле?

– Да. Но их я скажу Вам наедине.

– Говорите здесь.

– Я не могу. Потом Вы можете об этом пожалеть. Вы злы за вчерашнее, я понимаю. Но не давайте воли чувствам. Послушайте меня, графиня, выйдем.

– Я повторяю еще раз! Говорите здесь!

Стефан отвернулся, словно решаясь:

– Вы уверены?

– Полностью.

– Леди Брустер... Я не подберу слов... И если бы мы вышли, то Вы узнали бы об этом одной из первых. Простите, что я Вам об этом говорю.

– Ближе к делу!

Мне казалось, что я теряю чувства. В голове пронеслись миллионы мыслей, самых ужасных. Мои коллеги тоже напряглись. В их глазах читался страх. Стефана трясло, но он старался держаться прямо.

– Сегодня рано утром в порт пришла весть о том, что корабль Томаса Джеффа захватили пираты. Никто не выжил... На этом корабле обратно плыл Ваш виконт, Карл Норрис...

Мне очень жаль...

Мои глаза начали намокать от слез. Я открыла рот, но не издала ни звука; слов не нашлось. Я была абсолютно подавлена.

– Боже мой, – проговорил мистер Смит, поворачиваясь ко мне.

Все всполошились. Питер взялся за лоб рукой и начал что-то бормотать себе под нос, словно бы молился. Мистер Браун попросил дворецкого принести мне воды и успокоительного. Питер посмотрел на меня. Я же смотрела на Стефана, ожидая, что он скажет: это розыгрыш. Меня начало качать из стороны в сторону. Я не чувствовала земли под ногами, сердце заходило, дыхание сбилось. В душе царила пустота.

– Эли, – окликнул меня Пит.

Он подскочил ко мне и тронул мой локоть. Я рывком убрала руку. Хотела сказать, чтобы он не прикасался ко мне, но даже мои губы не могли пошевелиться. Словно все силы отправилась за Карлом, за моим Карлом... Питер снова протянул руку, но я отмахнулась еще резче и грубее. Я постепенно начала приходить в чувства. Подошел дворецкий с лекарством, начал предлагать мне его, но я только помотала головой.

Я посмотрела на картину на столе. Я, мама, папа. Вдруг у меня в голове возникла надежда. Не может жизнь меня так наказывать и отбирать самых близких людей. За что? В секунду я пришла в себя и устремила злой взгляд на принца.

Мистер Браун спросил:

– Дамана, чем мы можем тебе помочь?

– Не верьте лгуну, – жестоко и весьма серьезно сказала я, глядя на Стефана. Увидела непонимающие взгляды и решила пояснить:

– Я расскажу, вам, господа, что происходит. Принц с детства питает ко мне нежные чувства. И Карл для его величества – серьезная помеха. Поэтому он врет мне, чтобы я похоронила в себе Карла, забыла о нем. Вы не займешь его места! Не смейте так шутить со мной!

– Миледи! Во-первых, таким не шутят. А во-вторых, зачем мне врать? У меня появится куда больше проблем, когда Норрис вернется... Но он не вернется, леди. Он погиб. Как и остальные члены экипажа! Доблестные моряки! Мы потеряли посла!

Наконец все поняли, что мне плохо и я стараюсь защищаться. Питер пытался заставить меня выпить лекарство, но я не обращала на него внимания.

– Если это правда, – кричала я Стефану, – то почему именно Вы сообщаете мне эту новость? Позлорадствовать решили?

– Графиня Брустер, нет! Я просто счел правильным, что Вы услышите эти слова от меня. Его Величество король просил успокоить Вас. Я и хотел, но вспомнил, что вчера наговорил о Карле не самое приятное...

– Как Вы узнали? – спросил Питер.

– Отправили голубя с нашего торгового корабля в порт. Оттуда весть пришла во дворец. Посол вез из России очень важный документ. Скорее всего, теперь он утерян... Все произошло вчера вечером. Из дворца я примчался к Вам, леди Брустер.

Я села в кресло. Скорбящие гости разошлись по углам. Питер стоял рядом со мной, что-то говорил, но я не слушала. Он держал меня за руку, целовал ее.

Мне хотелось рыдать, меня разрывало изнутри. Неужели это правда?! Не верю! Я хотела плакать, но не могла, будто сил не хватало. Руки нервно задрожали, заболело сердце, я схватила за него.

Неожиданно паника покинула меня. Я взяла себя в руки и спросила:

– Если это правда, то почему рядом с моим домом нет газетчиков?

– Эта весть еще слишком свежая. Но, насколько я знаю, порт – их любимое место, потому что там новости не задерживаются.

– Откуда Вы знаете, что все погибли?

– Пиратов было намного больше. Наши торговцы написали о перестрелке и взрывах...

– Почему это судно не помогло соотечественникам?

– Это было торговое частное судно. Охранялось плохо. От них не было бы пользы. А если бы ввязались в битву, то мы бы потеряли торговое судно, товар и еще несколько де-

сятков людей.

– Спасательную экспедицию отправили?

Я задавала столько вопросов, потому что хотела уловить какую-нибудь неувязку, которая помогла бы мне обрести надежду.

– Да. Они пришлют голубей, как только что-то станет известно.

– Хорошо, сообщите мне сразу же!

– Я обещаю!

– Джентльмены, – обратилась я к коллегам. – На сегодня мы закончили. И вот что еще. Если хоть кто-нибудь проговорится миссис Норрис о том, что Карл погиб, тот человек замолкнет навсегда, потому что я отрежу ему поганый язык! Передавайте это всем, слово в слово. Миссис Норрис надо огородить от клеветы!

– Вы все еще мне не верите? – спросил принц.

– Верю. И прошу прощения за то, что взорвалась. Просто не каждый день твоя жизнь обрывается в минуту. Несмотря на то, что ты еще жива.

Я опустила грустные глаза, поправила волосы. Страх, ужас, боль терзали мое сердце и мою душу. Я думала, что вот-вот взорвусь от слез. Почему меня так мучает и ненавидит этот мир, я не понимаю, почему? Почему у меня надо отбирать все самое дорогое? Боже мой... Карл!

– Мы не сможем огородить миссис Норрис от общества, – сказал мистер Смит. – Кто-нибудь обязательно проболтает-

ся.

– Я об этом уже подумала. Продержитесь несколько часов. Потом она уедет из города. Мистер Леджер...

– Я слушаю.

– Вы рассказывали, что после смерти моего отца жили в тихой деревне, которая не тронута цивилизацией.

– Да, все верно.

– У Вас там есть еще дом?

– Да, и я с радостью отдам Вам ключи.

– Благодарю. Оденьтесь, мы немного прокатимся.

Он поклонился и спешно ушел к себе.

– Ваше Высочество, – продолжила я. – Вы верхом или в карете прибыли?

– В карете.

– Не подвезете ли Вы нас?

– Куда угодно!

– Дамана, – начал по привычке Питер, а украдкой посмотрев на принца, продолжил – как Вы хотите убедить миссис Норрис уехать в деревню?

– С помощью крестного.

Все были поражены моим хладнокровием. Я не спорю, мне было страшно, но я говорила и действовала, будто в полубеспамятстве, как в страшном сне, словно я боролась с ним, пытаясь проснуться.

– Эли, дорогая, – Питер положил мне руку на плечо, – ты сама сказала, что веришь в рассказ его величества... Миссис

Норрис не стоит питать иллюзий. Рано или поздно она обо всем узнает. Лучше уже сейчас.

— Питер, ты не понял, — нежным голосом пояснила я. — Карл жив. Корабль захватили пираты, но это не значит, что он умер. Карл жив. Он вернется. Или если он в плену, то я его выкуплю...

— Пираты не берут... — убеждал меня мистер Браун, но я его перебила:

— Я напишу отцу Флетчеру, они приедут обратно в Лондон, и Карл все объяснит миссис Норрис.

Питер хотел открыть мне глаза на правду, но, видимо, не решился убивать во мне надежду.

Сложно описать, что я чувствовала. Я была вне себя, но как будто и в здравом рассудке. Я выглядела спокойной, но это было так неуместно, а ужас, растерянность и боль в глазах говорили обо всем без слов. Я увидела жалость в глазах каждого, кто был рядом, и даже смогла улыбнуться и получить натянутые улыбки в ответ. Это лишало меня сил.

Мы отправились в церковь, к отцу Флетчеру. В карете я молчала. Но сколько мыслей путалось в голове. Вдруг мне захотелось закричать с такой силой, что я испугалась сама себя, мои страхи меня покинули.

Как же объяснить мои чувства... Я знаю, что Карл жив! Боже, по-другому и быть не может! Карл жив, жив! Я это себе не внушила, я это знаю! Но... а что, если нет? Ужасно, ужасно... Я пишу это, и от страха мои руки трясутся до сих

пор. А что было в тот жуткий, леденящий день... И в последующие... Мне сложно передать.

Я потеряла всяческие желания. Ничего не хотела. Ничего для меня больше не существовало. Я не видела смысла ни в чем. Не могу об этом писать... Мне плохо! Потерять Карла навсегда – этого не могло со мной произойти. Это непостижимо! Я не справлюсь без него. Да, мне ничего и не нужно без Карла! Сердце не хочет давать мне право жить при одной мысли о смерти Карла.

А еще... как я себя ненавижу! Когда я развлекалась с разными мужчинами, мой любимый был в плену у пиратов! Ужасная участь! Как я посмела? Только в этот кошмарный час я поняла, что ни к чему были мне все похождения. Я ужасна, омерзительна! Я недостойна! Но нет... В то же время, положив руку на сердце, я понимаю, что имела право на веселье... Почему я так легко могу оправдаться, когда не должна этого делать?! Что я за человек! Зачем я рождена? Чтобы гнить и разлагать тех, кто рядом? Прикидываюсь идеальной женщиной, а внутри – пустота, ничтожество. Мой разум помогает мне это осознать. Но почему он не может направить меня по верному пути? Неужели я должна прислушиваться к сердцу? Но это еще более глупая затея! Тогда я потеряю над собой контроль! И тогда мне придется стыдиться и ненавидеть себя значительно больше, чем сейчас...

Я не знаю, что теперь делать. Сейчас я отправлю миссис Норрис из города, это моя задача, я за нее отвечаю. Она мне

как мама, я не могу потерять ее, а миссис Норрис не перенесет потери сына. Но потом, когда она будет в безопасности, что тогда делать? Я буду ждать Карла, это правильно, это естественно! Хватит ли сил? Мне было невыносимо ждать его к четвертому числу, а теперь сроки его возвращения неизвестны... Я сойду с ума, я уже начала сходить с ума. Но нет! Я должна сохранить здравый рассудок, чтобы Карл был счастлив со мной, когда вернется. Чтобы я могла его радовать своим умом, веселым нравом... И да... Да... Тем же самым телом... Я хочу себя дарить этому человеку... Не покидай меня, Карл!

Боже... Боже... Где ты? К кому я взываю? Почему он оставил меня, чем я это заслужила? Неужели мои предки – страшные, бесчеловечные преступники, головорезы, убийцы маленьких девочек, сластолюбцы в монашеских одеяниях, алчные, коростные, погрязшие во всех смертных и не очень страшных грехах? За кого я несу такой крест? Я готова вернуться в прошлое и лично его зарезать! Кто является виной, что моя жизнь катится в тартарары? Где искать спасения? К кому взывать? Я не знаю... Почему мир ополчился против меня?

Мы подъехали к церкви. Нужно было войти. Я не могла. Меня еле заметно затрясло. Я объяснила это нервами. Сейчас я видела все церкви в крови и муках прихожан. Эти картины чуть-чуть привели меня в чувства. Я не могла и не хотела переступить порог божьего дома. Остановилась у ступе-

нек и попросила мистера Леджера:

– Не могли бы Вы позвать ко мне отца Флетчера и Уэйна? Дворецкий склонил голову и вошел в церковь.

– А мы внутрь не пойдем? – спросил Стефан.

– Не сегодня, – ядовито ответила я.

Если бы эта церковь не была так дорога крестному, в эту минуту я бы с радостью ее сожгла. Чтобы не искушать себя, я отошла чуть поодаль, к скамейке, и повернулась спиной к церкви. Принц положил мне руку на плечо, я со злостью стряхнула ее. Стефан, удивленный, не понял, почему я отвергаю его желание помочь мне. Я посмотрела на него и поняла, что неправда:

– Прости меня! Я просто не в себе. Все хотят мне помочь, но зачем? Все будет хорошо. Я знаю.

– Я понимаю тебя.

Стефан соврал: неуверенность в голосе выдала его. Поверх плеча принца я увидела, что крестный, Уэйн и мистер Леджер идут к нам.

– Добрый день, Дамана, – сказал отец Флетчер. – Что произошло? Вы все так встревожены... Ты не заболела? Такое бледное лицо...

Я начала рассказывать крестному и брату, что произошло. Отец Флетчер, ошарашенный, сел на скамейку, начал высказывать мне соболезнования. Я не слушала его; я излагала свой план.

– Дамана, дочь моя... Миссис Норрис не должна бежать

от истины. Мы поможем ей принять утрату.

– Крестный, Карл не умер.

– Для нас всех он будет жить вечно.

Меня начали злить эти слова. Но я старалась сдерживаться:

– Карл жив!

– Но как? Никто не остался в живых.

– Карл не мог умереть, – сквозь зубы проговорила я.

– Смирись, дочь моя. Богу было угодно забрать Карла Норриса...

– Не смейте мне об этом говорить! – не выдержав, закричала я. Отвернувшись от всех и вцепилась в волосы, тянула их, пока мне не стало больно. Выплеснув гнев, я опустила руки, сжала кулаки и глубоко, но обрывисто выдохнула. Придя в чувства, я повернулась к своим знакомым.

– Отец Флетчер, – проговорила я тихим голосом. – Когда Ваш брат умер, Вы утратили веру в Бога?

– Нет, – так же тихо ответил крестный.

– Я никогда не говорила, что буду с Богом. Но это я обещала Карлу... Поймите. Я не утратила веру! Я знаю, что Карл жив! И Вас прошу убереечь миссис Норрис от страшного удара. Сделайте это. Ради миссис Норрис, ради меня. И если Вы считаете, что Карл умер, то сделайте это еще ради светлой памяти об этом человеке, который когда-то спас мне жизнь. Который дал мне смысл, чтобы жить.

От этих слов я сама чуть не заплакала, но сдержалась.

– С торгового корабля видели, что их захватили пираты. Я знаю, они не оставляют живых. Но это все, что видели торговцы. Карл мог спастись. Я прошу Вас только об одном: увезти миссис Норрис из города. И все... Это совершенно немного. У Вас прекрасный сын. Уэйн справится с церковью и прихожанами.

Я посмотрела на Уэйна. Тот кивнул:

– У тебя праведные мотивы. Отец, соглашайся. Доверься Дамане.

– Ты любишь Карла и веришь, что он жив. Что еще на тебя влияет?

– Карл для меня – жизнь. Если он умрет, я почувствую. Святой отец, – я положила руку на сердце, – я чувствую, что Карл – жив. И что он вернется.

– Если он вернется, ты согласишься в Бога и в то, что он тебя не покинул?

Я подозревала, что от моего ответа зависит решение крестного, но решила сказать правду:

– Верить в то, что Карл жив, мне помогают не молитвы, а сердце. Карл вернется, и единственное, во что я поверю, – это в силу человека. Если нет, то тогда для меня больше ничего не существует. И в первую очередь Бога...

Отец Флетчер вздохнул, встал, посмотрел на церковь. Он перекрестился, прошептал что-то и поцеловал крест. Потом он подошел ко мне и холодно сказал:

– Ты могла бы мне солгать. Но ты, Дамана Брустер, сказа-

ла пусть горькую, но правду. Значит, тебе можно доверять. А когда ты поверишь в силу человека, знай, что эту силу нам даровал Господь.

– Я это знаю и не отрицаю его заслуг. Но таких тяжелых душевных мук я не заслужила. Вы сделаете то, о чем я Вас прошу?

– Ты правдива. И сегодня это сыграло тебе на руку.

– Я Вам очень признательна, крестный.

Святой отец собрал вещи и опять вышел на улицу. Мы двигались к кебу, который должен был отвести крестного к миссис Норрис.

– Дамана, я не буду лгать ей о причине нашего путешествия.

– Хорошо, за Вас это сделает Питер. Только за городом уводите миссис Норрис от темы Карла.

Отец Флетчер недовольно кивнул.

– Сначала по просьбе твоей мамы я хоронил Даману Брустер, несмотря на то что она жива. Теперь скрываю от другой женщины, что ее сын погиб.

– Отец Флетчер, Вы мне поверили, что Карл жив? Верьте. Все равно, если что, я буду виноватой во всем.

– Мне должно стать легче от этого?

– Ирония? – улыбаясь, спросила я, когда крестный садился в кеб. – Никто не виноват. Все будет хорошо. Мистер Леджер, не составите ли Вы компанию отцу Флетчеру?

– Что мне нужно сделать?

Вот именно таких людей я ценю, которые в тяжелый час не болтают зря и не сомневаются в моей правоте. Я улыбнулась и пояснила:

– Чтобы не вызывать лишних подозрений, сделайте вот что. Крестный, Вы идете к миссис Норрис и предлагаете ей уехать. Причем уйдите в любую комнату, чтобы не было видно коридора. Вы, мистер Леджер, незаметно подниметесь на второй этаж, комната номер три. Там живет Питер. Скажете, что он должен убедить миссис Норрис уехать. И обязательно добавьте, что это я попросила. Если Питера не будет дома, то попросите об этом одолжении у миссис Эммы Браун и миссис Кейт Смит.

– Я все понял.

– Отправляйтесь, и удачи Вам!

Они уехали, а мы с Уэйном и Стефаном остались на улице. И только сейчас я заметила, что погода словно отражала мою душу. Солнце пыталось пробиться сквозь туман, закрывающий свет. Однако с солнцем бороться сложно.

– Спасибо за помощь, – поблагодарила я Уэйна, удивленная тем, что именно он меня поддержал, а не более либеральный крестный.

– Я знаю, кто в твоей судьбе Карл. Это важно. И если ты права, то в очередной раз сделаешь благой поступок.

– Ты неправ только в одном, – я резко погрустнела. – Слово «если» здесь неуместно.

Мы немного помолчали. Мужчины не знали, что мне ска-

зять, и я решила избавить их от мучений:

– Я хочу домой.

– Я Вас отвезу, – сказал принц.

– Еще раз спасибо, Уэйн. До свидания.

– До свидания.

Мы сели в карету. Я все еще молчала, осталась почти наедине со своими мыслями. Я чувствовала, что принц хотел у меня что-то спросить, и не стала его подталкивать. Вскоре он сказал:

– Дамана, как я могу тебе помочь?

– Ничего не надо. Спасибо.

– Если хочешь, я могу остаться, чтобы поддержать тебя.

– Не стоит. Пойми меня правильно. Не сейчас... Я хочу побыть одна.

– Да, хорошо. Но завтра я заеду к тебе. Ты не против?

Я кивнула. И на этом разговор закончился. Я понимала, что никого не хотела видеть. Однако еще раз извиниться перед Стефаном мне это не помешало. И принц смог войти в мое положение.

По дому, видимо, пронесся слух, что я не в духе. Меня встретила только кухарка с испуганными, но в то же время расстроенными глазами. Она мне что-то предложила, я отказалась, поднялась на третий этаж.

Я пришла в свою комнату. Стала аккуратно складывать одежду Карла и убирать ее в шкаф. Карл взял с собой не так много вещей. Люди поставили на нем крест. Но почему? Я

не понимаю. Подумаешь, что там могли видеть торговцы... Паниковать не нужно до четвертого числа. Численное превосходство, говорил принц. И что это значит? Что все солдаты бросили оружие и пошли на верную смерть или в рабство? Или, может, они все-таки сражались? Второй вариант мне нравился больше.

Несколько мучительных часов подряд я просто просидела в кресле. Я вспоминала, думала, волновалась, ненавидела, любила, мучилась, представляя Карла. Это сумасшествие продолжалось бы еще долго, если бы не мистер Леджер, который обрадовал меня новостью, что миссис Норрис согласилась уехать из города. Дворецкому помогли Кейт и Эмма. Они были опечалены известием о Карле, но необычайно отзывчиво откликнулись на просьбу. Получилось даже удачнее, чем если бы миссис Норрис уговаривал Питер. Кейт и Эмма по-женски могли посоветовать домохозяйке хотя бы раз в жизни отдохнуть от хлопот.

– А Питера дома не было? – спросила я.

– Нет, – ответил дворецкий. – В третьем номере мне открыла молодая девушка, которая сказал, что Питер еще не возвращался с работы.

– Спасибо. Вы можете идти.

– Миледи, когда Вам подать ужин?

Я усмехнулась, устало посмотрела на дворецкого:

– Дорогой мой мистер Леджер, неужели Вы считаете, что я сейчас могу думать о еде?

Дворецкий нахмурился:

– Просто я боюсь, что если Вы сейчас не согласитесь по-
есть, пока надежда живет в Вас, то потом, когда она умрет,
Вы, госпожа, совсем откажетесь от пищи.

– Вы очень добры и заботливы. Вы всегда таким были
и будете... Это останется неизменным. Но есть вещи, кото-
рые не вечны. Одна из этих вещей – жизнь человеческая.

– Такие речи меня пугают, Ваше сиятельство.

– Не бойтесь, мистер Леджер. Я неплохо себя чувствую,
но есть не хочу. Вы свободны.

Дворецкий поклонился и неохотно вышел из комнаты.
Мне же стало любопытно, где Питер и почему он еще не по-
явился дома. Видимо, Салли пока не знала о слухе, вряд ли
она смогла стать столь безразлична к Карлу. А если да, то
лучше бы Бог забрал ее. Хотя это я лишнее думаю, ведь Пи-
тер ее любит. Ему не стоит переносить страдания, которые
сейчас достались мне.

Стоило мне подумать о Питере, как он постучался в мою
комнату. Он был непритворно потрясен, от плавных движе-
ний ничего не осталось: очень много жестикулировал и го-
ворил неестественно много.

Мне стало ясно, что я соблюдаю спокойствие на публике
не для того, чтобы скрыть свои чувства, а чтобы мое окру-
жение не тревожилось за меня. Карла любили многие, и его
внезапную потерю многие могли оплакивать. Думаю, все бо-
ялись даже представить, что творится у меня в душе. Мне

на их месте было бы страшно увидеть боль потери в глазах близкого человека.

Питер вошел в комнату, сел на кровать. Меня с ним разделяло девять футов, и на таком расстоянии мы разговаривали.

– Прости за вторжение, – сказал Питер. – Я просто не могу найти себе места... Я не знал, стоит ли мне приходить сюда. Метался между «да» и «нет». «Да» победило, потому что я хотел проверить, как у тебя дела.

Глупая фраза.

– Миссис Норрис уже уехала?

Я кивнула:

– Мистер Леджер сказал мне. Почему тебя не было дома?

– Потому что я боялся смотреть в глаза миссис Норрис.

– Значит, и ты похоронил Карла?

– Дамана, твоя надежда объяснима. Но, раз уж на то пошло, почему ты сидишь в темной комнате, бледная как смерть, срываешься на всех и отказываешься от еды, если веришь, что Карл жив?

Я добро и грустно улыбнулась:

– Да, наверное, это глупо. Но просто я устала ждать. Даже не то чтобы устала... Вернее так. Я знала, что Карл вернется четвертого числа, а теперь не знаю, когда ждать возвращения... Неизвестность хуже адской бездны, в которую я когда-нибудь упаду.

Своим ответом я убедила друга. Питер тяжело выдохнул:

– Мне так жаль, Эли...

Я решила перебить его сразу же, чтобы не заводится:

– Питер, ты скажешь мне так, когда мы все-таки будем хоронить Карла. Хорошо? Договорились?

– Да, я понял.

Мы сидели в тишине. Пит пришел помочь мне, но как, не знал. Но мне ничего не было нужно. Того, что он сидел со мной рядом, уже достаточно, чтобы не так сильно беспокоиться.

Я отправила Питера к Салли. Мистер Леджер принес мне чай. Велел съесть немного шоколада: он успокаивает. В ответ я попросила о сигаре и бутылке виски. Дворецкий не возражил. Ведь мой вариант успокоения был не хуже...

Раньше я мечтала видеть сны. В эти ночи я мечтала хотя бы закрыть глаза. Мне не спалось. Лежа на спине, я часто смотрела на половину кровати, где спал Карл. Мне даже показалось, что я его видела. Может, это его дух... Но нет: кто-то дал мне знак, что я должна его ждать. Карл не умер, он жив и едет ко мне. Эти слова я повторяла, как заклинание, всю ночь.

3 марта 1775 года. Суббота

День оказался тяжелым, утомительным, изнуряющим.

Не могу сказать, что я проснулась: за всю ночь не сомкнула глаз, но усталости не чувствовала. Умылась, ходила по комнате, смотрела в окно, переставляла цветы из угла в угол. Мне предложили завтрак и чай, но есть и пить я не хотела.

В полдень приехал Стефан. Наш разговор не затянулся больше чем на пятнадцать минут. После него пришли Том, Дженни и Пэт. Они обо всем узнали из утренней газеты. Я поделилась с ними своими чувствами и мнением. Дженни плакала, как дитя. Пэт держалась из всех сил. Но когда я успокаивала Дженни, Пэт резко отвернулась и вышла, а вернулась с красными глазами... Том был расстроен и измучен. Он часто тяжело вздыхал и мотал головой.

Друзья сказали, что Дэвид писал из казармы Тому. Сообщил, что завтра получит отгул на два дня. Дэвид хочет приехать ко мне. Я этого ожидала.

Чувства Тома и его тоска по другу не имела границ. Он дважды начинал плакать, но всегда собирался с духом и извинялся за слабость. Но ему стыдиться нечего, ведь мы ему близкие. Том похвалил меня за заботу о миссис Норрис:

– Ты правильно сделала! Пока что еще до конца неизвестно, не стоит ей знать.

Эти слова мне были необходимы и очень важны.

К обеду приехал Питер. Я отказывалась от пищи, но меня заставили спуститься в столовую. Я смогла проглотить немного риса, и это для меня было мучительно. Выпила чашку чая. Только дворецкий порадовался, что я ем. Друзья же настаивали на том, чтобы я взяла еще еды. Когда я измученным голосом сказала, что мне кусок не лезет в горло, натиск прекратился.

Гости начали одеваться, и вновь прозвенел колокольчик. Я иронично вздохнула, почувствовав себя врачом, у которого прием на дому, и пошла открывать. Это оказались Смиты и Брауны. Друзья и бывшие соседи сменили друг друга.

Мы сидели в гостиной и беседовали на разные темы. Нас прервал дворецкий, который вошел и произнес мое имя. Не знаю, что на меня нашло, но настроение резко упало, и я грубовато произнесла:

– Кто там еще?

Дворецкий только протянул мне письмо.

– Тебе, наверное, – предположил мистер Браун, – все так надоели?

– Нет, – соврала я, успокоившись. – Просто... Неважно. Например, вот я держу письмо от моего родственника из Индии. Я рассказывала Вам, его зовут Рони. Он сейчас избегает всех родных, потому что ни один из них не поддержал его в тяжелое время. И сейчас меня радует единственное: у меня таких сложностей не будет.

Я проводила соседей и отправилась в кабинет читать письмо. Оно оказалось весьма коротким, но содержательным: «Уважаемая Дамана Брустер!

Я надеюсь, Вы отдадите себе отчет в том, зачем Вы это взяли...»

Мне стало неловко от того, что меня рассекретили. Но я решила оправдаться и написать ответ, будто не понимаю, о чем он говорит. И предложила лучше проверить свою прислугу и посоветовала ему быть аккуратнее с едой. В общем, пыталась перевести подозрение на других. Добавила немного чувства, и мне показалось, что все выглядит убедительно. Заодно поинтересовалась, как дела у Рони и его слонов.

За этот день ко мне приехало еще много людей. Ближе к восьми вечера я попросила дворецкого никого не пускать. Мистер Леджер отвечал каждому, что я сплю. Единственный, кого я приняла, – это король, да и то в письменной форме. Эгберт прислал мне письмо с поддержкой. Написал, что из-за нападения пиратов потерял хорошего капитана и верного друга, то есть посла. А также двадцать пять солдат.

Я допивала бутылку вчерашнего виски и курила новую сигару. Эту ночь я не смогла лежать или сидеть на месте. Мне было не по себе и страшно. Завтра – решающий день. Карл днем или ближе к вечеру должен приехать в порт Лондона. Переходя с места на место, я и радовалась, и огорчалась. Настроение скакало, как масло на раскаленной сковороде. Стоило мне представить, как я крепко обниму Карла завтра при

встрече, так сразу радость омрачала мысль: а если он не придет? Мне было страшно об этом думать, поэтому я и дергалась, словно по мне муравьи ползали.

4 марта 1775 года. Воскресенье

Я опять не смогла уснуть. Но умылась, приняла ванну, прихорошилась, оделась, спустилась вниз. Дворецкий удивленно посмотрел на меня:

– Вы куда-то собираетесь, мисс?

– Да, – широко улыбаясь, ответила я. – Сегодня же Карл возвращается!

Я была счастлива и окрылена. Но дворецкий словно приговор услышал в моих словах. Все хорошее ушло с его лица, я же сияла. Мистер Леджер вдохнул, посмотрел в пол, потом на меня и сказал:

– Я найду Вам карету.

– Да, хорошо. Но сначала, мистер Леджер, я так проголодалась! Скажите на кухне, пусть мне что-нибудь приготовят. А пока я подожду в кабинете.

Не рассчитав сил, я съела чуть больше, чем вчера. После села в карету и поехала к порту. Я предчувствовала победу и подтверждение своей правоты!

На месте я была в три часа дня. Примерно в это время они отплыли, а значит, скоро должны вернуться.

На улице было прохладно. Несколько раз я заходила в трактир, больше похожий на паб, попить чаю и согреться. Я не замечала часов, а просто ждала. Сначала с надеждой, потом со страхом, а потом с отчаянием...

На шестой чашке чая я поняла, что прошло слишком много времени: ведь одной чашки мне хватало примерно на час... Ближе к вечеру я начала нервничать, но спрашивать у кого-то, когда прибудет корабль Томаса Джеффа, я не рискнула. Вряд ли я получу ответ, который жду. Вчера Лондон накрыла новость о гибели всего экипажа корабля. Ее официально подтвердили. Это была самая обсуждаемая тема дня. И меня могли счесть сумасшедшей: ведь я жду прибытия захваченного корабля...

За шесть часов приплыло три судна. Ни одно из них не подходило под описание, которое мне дал принц. Но все равно я надеялась на то, что именно этот корабль спас моего Карла. Но никто не откликнулся на королевское и благородное имя, которое я каждый раз выкрикивала с надеждой и любовью.

Каждый раз я отходила обратно и наблюдала, как встречающие радуются прибытию родных. Я еще надеялась увидеть Карла, ведь день еще не закончился... А сердце все больше становилось похоже на камень...

Приступы отчаянья заставляли меня плакать, но ни слезинки я не смогла проронить. Иногда даже думала, что мне стоит заплакать, ведь тогда я не буду держать в себе едкий ком. Я смогу выплеснуть страх и отчаянье... Но у меня ничего не получалось.

Примерно в шесть вечера, после второго корабля я отправилась в дамскую комнату, где в зеркале увидела свое ли-

цо. Я бы не сказала, что плохо выглядела. Но глаза выдавали страх и нервозность. В них не было и намека на радость, но надежда еще жила.

Когда часы пробили десять, я грызла ногти и кусала губу. Мне становилось все хуже и хуже. Несколько раз ко мне подходили люди и спрашивали, не нужна ли мне помощь. Я только мотала головой. Я даже не могу сказать, о чем думала на причале. Иногда казалось, что я просто бестелесный дух, который заблудился между адом и грешной землей. Я стремилась к Царству небесному, но складывалось впечатление, что от геенны огненной меня никто не спасет.

Никогда в жизни я ничего подобного не испытывала. Я качалась взад-вперед, словно у меня что-то болело: движения помогали притупить боль. Многие, наверное, так делают. За семь часов я не дождалась одного этого мига, который мне был необходим, как спасение. Мое дыхание было обрывистым, как то, когда плачешь и не можешь остановиться.

В начале одиннадцатого я где-то далеко позади услышала знакомый встревоженный голос:

– Вот она!

Ко мне бежали Дэвид и Питер. И того и другого я была рада видеть. Они быстро оказались рядом. Дэвид сел на корточки передо мной, Питер на скамейку рядом. Они тяжело дышали, а увидев меня, переглянулись, словно решая, что будут делать. Я двое суток не спала и голодала и сама чувствовала, как похолодели мои руки. Я радушно улыбнулась

друзьям. Дэвид взял мои руки и начал целовать их, Питер просто не сводил с меня встревоженных глаз.

Должна заранее сказать, что во время нашего разговора я поняла, что, пожалуй, тронулась умом. Но когда именно, не помню.

– Просто воскресенье – это не мой день, – сказала я.

Дэвид усмехнулся:

– Уже для многих.

– Он завтра вернется. Верно?

Вопрос поставил Дэвида в тупик, он не знал, как ответить.

Но спустя некоторое время сказал:

– Но здесь мы его ждать не будем.

Сейчас я понимаю, что он не дал четкого ответа, а тогда я расценила эти слова, как согласие.

– Почему? – как ребенок, спросила я.

Питер начал гладить мою спину, чтоб меня успокоить, а Дэвид ответил:

– Уже поздно, Дамана. Надо домой ехать.

– А вдруг он придет в полтретьего ночи, например. Это всего лишь через четыре часа. Давайте подождем и встретим его?

– Дамана... – заговорил Питер, и я резко перевела на него взгляд. Ричардс заметил, что я потерялась в пространстве и не сразу смогла посмотреть ему в глаза. Он подождал, пока я найду его. Ричардс был напуган, но продолжил:

– Дамана... Встречающим здесь можно находиться

до одиннадцати вечера, потом все должны отсюда уйти.

– Но это через полчаса. Друзья, давайте подождем. Прощу вас.

Молодые люди переглянулись, и Дэвид огласил их немое решение:

– Хорошо, но только потом мы увезем тебя отсюда, а ты не будешь сопротивляться. Обещаешь?

– Да, конечно, – с неестественной легкостью согласилась я.

Дэвид еще раз поцеловал мне руку и сел слева от меня. Над нами светила луна. Помолчав, я сказала:

– Помнишь, Пит, как мы познакомились?

Питер посмотрел чуть вверх, на луну, и ответил:

– Да, помню.

– Ты тогда произвел на меня впечатление. Дэвид, а ты помнишь, как мы познакомились?

Он кивнул, и я продолжила:

– Ты был великолепен. Впрочем, как и сейчас. За все чувства, что были в моей жизни, я благодарна только Карлу. Ведь если бы не он, я бы не познакомилась с такими хорошими людьми.

Дэвид и Питер молчали. Они словно чего-то боялись, но не говорили об этом. Они не знали, что со мной делать. От страха они жалко выглядели.

– Многие ему обязаны, – продолжила я. – Вы согласны?

– Да, – ответили они хором.

– Если многие обязаны Карлу, то почему большинство предпочло сразу же похоронить его, а не ждать и надеяться?

Они знали ответ, но не стали его оглашать. Звучал он примерно так: «Смерть Карла от руки пирата вполне правдоподобна». Я не стала наседать на них и сменила тему:

– Вы знаете... Я могла ожидать кого угодно, кто придет сюда. Но я никак не думала, что это будете вы вдвоем. Вы же не терпите друг друга?

Я говорила медленно, неестественно, будто была пьяна.

– Мы просто, – начал объяснять Питер, – одновременно приехали к твоему дому. Дело случая. Мистер Леджер пустил нас в дом, и мы стали ждать тебя.

– Прошел час, – продолжил Дэвид, – второй, а тебя все нет. Приехали сюда. Люди говорили, что видели тебя, но никто не заметил, куда ты ушла. Поэтому мы решили ехать в общежитие, но там тебя никто не видел. Вернулись к твоему дому, но ты еще не вернулась. И вновь приехали сюда...

– Я здесь с трех часов.

– С трех часов? – изумился Питер. – Эли, ты, должно быть, ужасно замерзла.

– Нет. Тут есть чудесный трактир, я там грелась. Но, к сожалению, он уже закрыт. Вы могли меня не найти, потому что я была либо там, либо в дамской комнате.

– В трактир мы заходили, – пояснил Дэвид.

Я вновь посмотрела на небо:

– Луна... По-моему, самое красивое небесное светило.

Знаете, что мне больше всего нравится в моем доме?

– Что? – спросил Дэвид.

– А тебе, Питер, интересно?

– Конечно...

– Вид из большого окна бального зала! Оно прямо напротив входа. Так вот, из него открывается прекрасный вид на полную луну. И она так и манит меня выйти на балкон и смотреть на нее. Что-то в этом есть...

Они деликатно выслушали меня. Наступило молчание, которое я вскоре нарушила:

– Вы знаете, мне кажется, что Господь всегда умел хорошо шутить, особенно над человеком. Вот только человеку эти шутки кажутся жестокими...

Питеру явно понравились мои слова, а Дэvidу – не очень.

– Одиннадцать часов, нам пора ехать, – сказал он, вставая со скамейки.

– Я не хочу, – закапризничала я.

– Ты обещала, – напомнил Дэвид.

– Ах, да! Тогда надо ехать. Надо ехать...

Питер встал. И словно ожидая, что я могу упасть, уверенно и крепко держал меня за руку. Однако я шла весьма ровно, только плохо соображала, куда надо идти. Усталость, голод и нервы дали о себе знать. Со стороны я наверняка выглядела, как пьяная. И мне внезапно стало ясно, как тяжело было маме. Герцог Роберт Блек причинил ей страшные страдания, наверное, хуже, чем мои... Он обязан умереть,

скотина! Ненавижу! И он умрет от моей руки...

Дорога обратно заняла меньше время, чем до порта. У моей усадьбы Питер расплатился, Дэвид помогал мне выйти из кареты. Я изо всех сил старалась не упасть. В доме нас встретил дворецкий и служанка. Меня проводили в спальню, хотели заставить выпить снотворное, но я упиралась. И только после уговоров Дэвида я все-таки сделала это.

Служанка помогла мне раздеться, я с трудом легла в кровать. Когда служанка выходила из комнаты, она не до конца закрыла дверь, и я могла слышать разговор за дверью между дворецким, Питером и Дэвидом.

– Дамана сама на себя не похожа, – сказал Питер.

– Она на пароме говорила странные вещи, и вид у нее был, словно она сошла с ума, – добавил Дэвид. – Я боюсь за нее... Как она тут?

– Господа, – отвечал мистер Леджер. – Вы знаете леди Брустер больше, чем я. Но за то время, что мы знакомы, я успел понять, что она сильна и просто так не сдастся.

– Она уперта, – сказал Питер. – От своего не отступит. Все равно будет ждать Карла.

– Я тоже успел послушаться странных речей, – произнес мистер Леджер. – Графиня не один раз дала мне понять, что без Карла ей жизнь не нужна.

– Ну, этого мы не допустим, – отрезал Дэвид.

– Дамана и самоубийство? – сомневался Питер. – Нет. Насколько я знаю ее, она от жизни не откажется. Другой разго-

вор, что мы больше не увидим прежнюю Даману, это весьма возможно.

Мне так и хотелось выкрикнуть, что со мной все будет хорошо, ведь Карл вернется, но мне было любопытен этот разговор, и я не стала их перебивать.

– Джентльмены, я тоже волнуюсь за графиню, – сказал дворецкий. – Понимаете, она два дня ничего не ела, почти не пила. И, судя по красным глазам, очень мало спала. К тому же много выкурила на пустой желудок и выпила литр виски.

– Да, ее состояние говорит об этом, – согласился Дэвид. – Возможно, ее странное поведение и объясняется усталостью?

– Давайте завтра и узнаем, – предложил Питер. – Дамане нужен покой, пускай спит. Дэвид, ты сможешь остаться сегодня ночью в доме?

– Если мне позволят.

– Мистер Леджер, – сказал Питер. – Дэвид – хороший, проверенный друг Даманы. Пусть он заночует здесь, в соседней комнате. Так будет спокойнее всем.

– Да, хорошо. Это ее бывшая детская. Я скажу, чтобы Вам постелили.

– Не тревожьтесь, – заверил Питер. – Леди Брустер не будет против.

Конечно, не буду...

Дверь ко мне в комнату никто не закрыл, но голоса затих-

ли, мужчины разошлись в разные стороны, попрощавшись.

Снотворное, видимо, повлияло на меня, хоть и не сильно. Стоило мне уснуть, как вскоре я просыпалась. В общей сложности за ночь я проснулась восемь или девять раз, точно не помню. Сон не хотел оставаться со мной.

5 марта 1775 года. Понедельник

Я проснулась в восемь утра. И чтобы больше себя не мучить, решила вставать с постели. К тому же скоро нужно приступить к работе.

– Доброе утро, Дэвид.

– Дамана... – спросонья отозвался тот. – Что ты тут делаешь?

Я пожала плечами и ответила:

– Я рано проснулась и решила больше не ложиться. Странно, что никто сегодня не пришел на работу. Не знаешь, в чем дело?

Дэвид еще слабо соображал, но все же поднялся и сел на кровать. Он не стал прикрывать свой красивый торс одеялом:

– Мы с Питером решили, что сегодня вам лучше не работать.

Я улыбнулась:

– Забота – это всегда так трогательно.

Сама я сидела в кресле прямо напротив кровати. Я проснулась в сносном настроении и поэтому была настроена поболтать. К тому же по сравнению со вчерашним днем чувствовала, что почти выспалась.

– Наверное, я вас вчера жутко напугала?

Дэвид протирал сонные глаза, потом посмотрел на меня:

– Можно и так сказать. Но сейчас вижу, что тебе лучше.
Как ты спала?

– Как женщина, которая, возможно, лишилась любимого мужчины. Плохо...

– Дамана, ты вчера была сама не своя...

– Нет, – перебила я, улыбаясь. – Сама не своя я была на своем же посвящении. А вчерашнее – это переутомление.

– Давно ты здесь?

Я пожала плечами:

– Часа два, может, три. Ты сладко спишь. На службе не выпадает такого шанса?

– Нет.

Я сама понимала, что странно себя веду, и пыталась войти в обычный образ, но, к сожалению, не получалось:

– Дэвид, послушай. Возможно, я сейчас похожа на сумасшедшую, но я все еще вполне нормальный человек. Просто мне страшно и дико... Без Карла... Но за то время, что я смотрела на тебя, пока ты спал, я кое-что поняла.

– Что? – с неподдельным интересом спросил Дэвид.

– Вчера я зря так себя вела. Не надо было отчаиваться. Ведь известно, что корабль захватили пираты...

Дэвид кивнул в знак того, чтобы я продолжала.

– И я пришла к выводу, что обратно Карл должен был плыть четыре дня и он должен был вернуться вчера. Но произошла задержка из-за пиратов. А это значит, что он вернется со дня на день.

Я развела руками, как бы показывая, что я дошла до простейшей вещи, над которой все ломали головы, а я одна догадалась.

– Дамана, – печально заговорил Дэвид. – Твоя верность и любовь к Карлу вызывает уважение. Но на тебя больно смотреть, когда ты не можешь открыть глаза на правду.

– Дэвид, Карл вернется. Запомни это!

Я встала с кресла, дружелюбно улыбнулась и добавила:

– Просыпайся, умывайся и спускайся. Тебя покормят.

Я начала уходить из комнаты, чтобы не смущать гостя. Дэвид спросил:

– А ты?

– Нет... Я не хочу есть. Буду в кабинете, заходи.

Дэвид весь день пробыл со мной. Он подкармливал меня. То сладостями соблазнял, то яблоком. В итоге, по-моему, я его сама и съела.

До обеда я была словно на иголках. Я ждала столь желанного посетителя. Но Карл не появлялся. Я без дела подходила к окнам, с надеждой смотрела на улицу. Я могла часами стоять возле них. Но с каждой минутой мне становилось все тяжелее. И надежда была все более призрачной.

Голод давал о себе знать. И я решила заставить себя пообедать, потому что мой озноб, головокружение и слабость в ногах Карл наверняка не одобрит, вернувшись домой, вернувшись ко мне! Есть было неприятно. Порой становилось даже больно. Но тарелку супа и половину второго блюда я

осилила. Мистер Леджер сиял от счастья.

В этот день ко мне не пришли даже преподаватели. Дворецкий написал каждому, что я не могу заниматься. Словом, в эти минуты все решали за меня. Сопrotивляться не хотелось. Мне на все было плевать, лишь бы Карл вернулся.

Сердце екнуло, когда в дом кто-то позвонил. Но это оказались Том, Дженни, Пэт и Питер. Мы пошли в гостиную пить чай. Гости сидели, я ходила по комнате.

– Дамана, тебе удалось поспать? – не выдержал Питер.

– Да, немного.

Снова зазвонил колокольчик. Пришел Стефан. Я проводила его в гостиную и всем еще раз представила.

– Вы пришли, чтобы сообщить мне новости? – спросила я, глядя на мрачное лицо принца.

– Да, леди Брустер.

Я глубоко вдохнула и проговорила:

– Тогда не томите меня, Ваше Высочество...

Каждый замер в ожидании. Однако всем было известно, что сейчас скажет нам принц. Он словно не хотел говорить мне ни слова, но ему приходилось:

– Прилетели голуби со спасательного корабля. Новости неутешительные... Захваченный корабль не найден. Отыскали только несколько частей корабля и тела...

У меня вновь сбилось дыхание. И снова мне захотелось заплакать, но я не смогла. Я приложила кулак ко рту, повернулась ко всем спиной и немного отошла от них. Сглотнув,

я спросила:

– Много частей от корабля?

– Нет. Там сильное течение. Главным подтверждением стала доска с нашим гербом.

– А тел сколько?

– Семь.

– Почему их не унесло течение?

– Я не знаю, графиня... Еще нашли остатки формы матросов. Остальные, похоже, достались рыбам...

– То есть некоторым семьям даже хоронить будет нечего?

Я обернулась к гостям, и, видимо, их удивило, что я еще держусь. Принц ответил кивком и добавил:

– Мне очень жаль.

Словно намекнул на то, что я – одна из таких семей.

По правде сказать, я не могла нормально выдержать эту новость. Я старалась сохранять спокойствие, но внутри меня горела буря. Надежда на спасение Карла пропала, но я не могла сдаться:

– Видимо, вы все думаете, что я буду хоронить Карла?

– Леди Брустер, – заговорил Питер. – Миссис Норрис должна знать.

– Пока что нет, – холодно ответила я.

– Миледи, – проговорил Стефан, подходя ко мне. – Карл Норрис был Вам дорог, но Вам нужно отпустить его.

Я хищно, словно ястреб, посмотрела на принца и железно ответила:

– Не собираюсь!

Я отошла, подняла голову, набираясь сил. Меня затрясло, сердце заходило, как никогда раньше. Я словно боролась со смертью. Резко обернувшись, я, почти срываясь, начала говорить:

– Здесь, в этом доме, слишком много вещей Карла. И чтобы ему уйти из моей жизни, он должен забрать эти вещи! Сам! Попрощавшись со мной! Пока этого не произойдет, Карл будет жить!

– Графиня, поймите же... – начал Дэвид.

– Я уже все поняла!

– А миссис Норрис? – подала голос Пэт, наплевав на субординацию в отличие от всех. – Она его мать! О ней ты подумала?

Я сделала несколько решительных шагов к гостям и, глядя в глаза Пэт, ответила:

– В первую очередь.

– Представь, что она вернется в Лондон, – предположил Питер, – и узнает, что ее сын погиб, да еще неделю назад! И все молчали! Дамана, это неправильно!

– Однако только я знаю, где сейчас миссис Норрис. А Карл жив, и он вернется.

Стефан приблизился к гостям, как бы принимая их сторону. Я не стала бы их ни в чем убеждать, могла бы просто выгнать из дома. Но для своего успокоения я хотела, чтобы хоть кто-нибудь со мной согласился.

– Графиня, напишите отцу Флетчеру о том, чтобы они возвращались, – попросил принц.

– Нет! – крикнула я. – Господи, нет! Что вам непонятно в этом слове?

Кто-то уже брался за голову и не знал, как бороться со мной. Миссис Норрис просто никто не смог бы найти. Ведь адрес знала только я и мистер Леджер. А он не рассказывал бы никому без моего разрешения.

Я поняла, что потеряла свой авторитет в глазах этих людей, поэтому попробовала все исправить:

– Я понимаю, возможно, вы думаете, что я свихнулась на нервной почве. Но это не так, поверьте! Я не придумываю, не лелею надежду! Я чувствую, что Карл жив! Я это знаю! Поверьте же мне!

Наступило молчание, я на долю секунды отвернулась от гостей, словно набираясь мужества сказать следующее:

– Вы вообще можете представить, о чем меня просите? Нет! Вы говорите мне, чтобы я смирилась. Но вы не понимаете, как я слышу это предложение, вы даже не задумывались...

На шум голосов в гостиную пришел мистер Джим Леджер. Он понимал, что происходит, но не вмешивался, потому что в этом не было нужды.

– Думаешь, ты единственная, кто пострадал из-за этой трагедии? – спросил Том, словно бросая мне вызов.

– Нет. Я знаю, что для каждого из вас Карл значит что-

то особенное. Я вчера у Питера и Дэвида спросила: если мы все так обязаны Карлу и все его так любим, то интересно, почему мы так быстро его похоронили? Я понимаю, если бы вы это сделали только что, когда Его Высочество сказал, что нашли тела. Даже моя надежда уже еле уловима, но все еще жива! Не смейте говорить, что я эгоистична и думаю только о себе. Я знаю, кто для вас Карл! Я это понимаю и оберегаю ваши чувства! Но вы хоть раз задумались, что эта смерть значит для меня? Возможно, вы думаете, будто я привыкла хоронить родных и близких, но это не так! Для меня это еще не стало привычкой!

– Мы тебе говорим не об этом, – перебил меня Дэвид.

– Я поняла, что вы говорите, и я уже ответила!

– Графиня, – раздался успокаивающий голос Питера. –

Что Вы хотите нам сказать?

– То, что смерть Карла Норриса, может быть...

– Что, миледи? – спросил Питер. – Продолжайте.

– Произошла из-за меня, – ответила я.

В воздухе повисло молчание. Но вскоре поднялся гул голосов, в котором звучали изумление, отрицание, непонимание. Я же взялась за голову и начала метаться из стороны в сторону:

– Вы просто задумайтесь, каково мне! Дэвид не даст соврать! Ты ведь помнишь, что я тебе говорила в путешествии? Ты помнишь?

Профт нахмурился:

– О дурном предчувствии...

– Вот именно! Оно не покидало меня! Я постоянно думала, будто произойдет что-то плохое! Видимо, так я и сглазила Карла! Из-за моих предчувствий это все произошло!

Все сразу же начали говорить, что в моих словах нет логики. Питер нервно заходил по сторонам. Он единственный не отрицал мою теорию. Остальные меня успокаивали и говорили, что я не могла навлечь на Карла смерть.

– Вы считаете, что это бред? – иронично спросила я. – Тогда что вы скажете, если я предположу, что Карла могло погубить проклятие семьи Брустер?

Гости беспокойно переглянулись. Дэвид взял меня за плечи, посмотрел мне в глаза и спросил:

– Это Вам пришло в голову из-за того индуса, который умер после смерти Вашей бабушки?

– Ох, если бы, Дэвид, только из-за него!

Я вырвалась из его объятий. Вмешался Стефан:

– Миледи, нет никакого проклятия Брустеров!

– Ваше Высочество, – проговорила я. – Другого объяснения нет...

Слава богу, все знали легенду о проклятии. Поэтому мне не пришлось лишний раз никого ни в чем убеждать. Конечно же, все заговорили, что это проклятие – просто выдумка.

– А я считаю, что нет, – спорила я. – А теперь на долю секунды задумайтесь, о чем вы меня просите! Вы хотите, чтобы я смирилась, а значит, признала, что стала причи-

ной смерти Карла... Да лучше бы мне не знать его и страдать от одиночества, лишь бы этот прекрасный человек жил! И тогда вы смогли бы наслаждаться его обществом... Как вы думаете, каково быть под таким грузом? Каково потерять родного? Когда я так его люблю...

Наверное, тогда друзья поняли, что еще меня тяготит. Все замолчали и перестали давать мне советы. Никто не поверил моим словам, что Карл жив. Да и я перестала верить, просто шла к желаемому, но, возможно, уже несуществующему. Единственный, кто мне что-то сказал, это Дэвид. Он был очень мягок, но требователен:

– Пообещай одно: что миссис Норрис ты сообщишь через неделю.

Я не хотела обещать. Но, трезво оценив положение, я поняла: через неделю и сама поверю, что Карла настигла смерть. Не желая этого, я все же пообещала.

6 марта 1775 года. Вторник

Сегодня утром Дэвид должен был вернуться в часть. Мы позавтракали вдвоем, и я его проводила. Он попросил меня держаться и хотя бы изредка писать. Мне стало неловко, ведь я ни разу не писала ему раньше.

Я Дэвиду за многое признательна. Он был мудрым вожаком, знал, как себя вести, чтобы человек принял правильное решение, как влиять на собеседника. Но главным оставалось то, что этим он пользовался только во благо. Либо тогда, когда надо было убрать с дороги противника.

Весь день я ждала Карла. И с каждой минутой мне становилось все хуже. С каждой минутой я теряла надежду. Мне было сложно держать перо в руках, чтобы вести этот дневник... Да и не хотелось записывать эти кошмарные дни в тетрадь, где описана каждая минута, проведенная с Карлом.

Нелепо будет существовать без Карла. Возможно, если бы его не было в моей жизни, я бы не любила ее так, как сейчас. И нельзя говорить, что лучше бы я не знала Карла, чем подвергать его риску смерти от проклятия. Для меня очевидно одно: я хотела бы в этой жизни познакомиться с Карлом. Но я не хочу, чтобы он был в ответе за то, что связался с Брустерами. За знакомство с Карлом я готова умереть, но не согласна с тем, чтобы он взял на себя проклятие.

Как же долго тянется время, как же больно содрогаться

от мысли о смерти родного человека. Мое сердце превращалось в камень. В эти минуты я не чувствовала одиночества... Я была словно в темнице... Есть все необходимое, но и это уже не интересует. Жажда жизни появится тогда, когда будет возможность жить полной жизнью.

Есть ли смысл ждать? Зачем я это делаю! Очевидно: я просто люблю Карла и не могу отпустить от себя, тем более из-за смерти. Пусть он лучше уйдет к другой женщине, переедет в другой город, у него появятся дети, все равно! Пусть это все происходит, пусть мне будет больно! Но не так мучительно, как сейчас. Мои слова могут показаться эгоистичными, словно Карл умер, а я думаю, как буду жить одна, это же сложно. Но на самом деле я представляю... Да что там – уже вижу отчаявшиеся лица, лица скорби и потери! От этого я ослабеваю сама. Мне страшно представить, что будет с миссис Норрис, когда она узнает, что ее сын умер! Она переживет двоих детей... Она не заслужила такой кары! Родители не должны хоронить детей! Ладно, возможно, я заслужила эти страдания, но в чем виновата моя вторая мама, за что Бог ее так наказывает? Что сделала эта радушная женщина, да к тому же верующая? Или Богу наплевать? Хочет посмотреть, как я мучаюсь, как страдает миссис Норрис? Разве это того стоит? Раз так, то Бог еще больший грешник, чем все мы, земные люди, вместе взятые! Меня можно наказывать, но не нужно, чтобы это затрагивало других. Хотя расчетливость Господа достойна уважения! Я бы сама с трудом

до такого догадалась. Он убивает Карла, я оказываюсь виновата в этом и еще должна смотреть в глаза матери человека, которого я погубила.

Какой бред! Карл жив... Но тогда где он? Он должен был вернуться два дня назад!

Ближе к вечеру я не могла ходить. После завтрака мне не хотелось больше есть. Казалось, что жизненные силы меня покидают. Я даже обрадовалась обморочному состоянию, я надеялась больше не проснуться. Но и уснуть я не могла. Я по несколько часов могла сидеть в одном положении, смотря в одну точку, в ожидании. А чего я ожидала, уже не знала... Зачем я это делаю? Приступы паники, отчаянья, желания что-то изменить сводили меня с ума! Мне мерещился Карл, я слышала его голос. Иногда я хотела встать на колени и просить хоть кого-нибудь из святых о помощи. Или хотя бы о том, чтобы мне дали сил на ожидание. Но я не могла; стоило представить эту картину, как меня выворачивало наизнанку!

Приступы... Они обессиливали меня! Я хотела плакать и уже была готова к этому, но ни одна слезинка не упала из моих глаз. Ни одна... Каждая мелочь, каждая мысль уничтожала меня! Ближе к ночи каждая картина, которую рисовало мое воображение, меня пугала. Я резко вставала, садилась, меняла позы, словно отворачиваясь от тяжелой пощечины.

Наступила ночь, она принесла в мою душу невероятную

темень. Я хотела плакать, бежать, не оглядываясь, наступая на стекло, и чувствовать, как оно вонзается в мою плоть, но лишь бы избавиться от страха, что Карл ко мне не вернется. Где же он?!

Я еле подошла к туалетному столику с зеркалом. И увидела в отражении зеркала девочку, которая жила в приюте. Ту самую Даману Брустер, которую все забросили, которая хотела мстить. Она была сильна, и это хотя бы не вызывало жалости к ней. Но сейчас эта девочка из приюта в отражении потеряла власть и влияние. Я смотрела на себя, и как же жалко я выглядела, я себя не узнавала.

Я застонала. Попыталась сдержаться, но не смогла. Все, что стояло на туалетном столике, я с невероятной яростью махом руки отправила на пол. Все духи, зеркала, статуэтки разбились. Стекла, хрусталь и фарфор разлетелись по сторонам и бросили на стены блики от горящих свечей. После я разбила вазу на тумбочке возле комода... Потом я перестала соображать, что я быю, бросаю в стороны. Помню только, как моя пудра разлетелась по всей комнате. Я кричала, разражалась проклятиями и стонами. Опрокидывала стулья, рвала подушки, обшивку кресел резала осколками графина. В конце концов я взялась за голову, закричала во весь голос и упала на колени. Кулаками несколько раз ударила о пол. Кровь брызгала мне в лицо.

Я посмотрела на руки и увидела на тыльной стороне ладоней много осколков. Духи, что разлились на полу, попа-

ли в раны. Никогда в жизни я не была так благодарна боли. Жгло беспощадно, потекли слезы от боли. Хорошо, что никто из прислуги не мог слышать моих криков. Их комнаты очень далеко, а дом сам по себе большой.

Я собралась с духом, поднялась и отправилась умыться, оставляя за собой дорожку из пятен крови. Взяв пинцет, я начала вынимать осколки. Закончила с левой рукой. С правой оказалось сложнее: я правша. Рука дрогнула, и я поранилась, впрочем, новая рана общей картины не портила. Рукомойник был весь в крови.

Промыв раны, я обмотала руки полотенцами и вернулась в комнату. Вот тогда я смогла оценить ущерб, нанесенный себе. Пожалуй, этот разгром никто не должен видеть. Я решила убраться. Справилась за полтора часа. Но, к сожалению, рукам на пользу это не пошло. Два полотенца почти полностью пропитались кровью.

Я решила не рисковать и вызвать врача. Слава богу, мой разум еще работал. Я отправилась к мистеру Леджеру. Постучавшись к нему в комнату, вскоре я услышала шаги и звук замка.

– Вы закрываетесь на ключ? – спросила я, держа руки за спиной.

– Я мало кому доверяю.

– Простите, что я Вас тревожу, я просто не знаю ни одного врача.

– А что-то случилось?

– Да... Я споткнулась о комод, задела духи. Они разбились, а я упала на осколки руками.

Я показала руки. Мистер Леджер чуть не поседел, так мне показалось. Он сразу же побежал в спальню прислуги и отправил Билли за врачом. Меня же дворецкий повел в ванную. Там он снял полотенца, округлил глаза и спросил:

– Как же Вы так упали?

– Неудачно...

– Когда это произошло?

– А Вы не слышали?

– Чего?

– Моего крика. Я думала, я весь дом разбудила.

– Простите, миледи... Я не слышал.

– Ничего страшного. Порезалась я примерно полтора часа назад.

– Полтора часа?! Раны до сих пор кровоточат! Почему Вы сразу не пришли ко мне? – возмутился дворецкий, отмывая мои руки.

– Комната жутко пропахла духами. Я решила ее проветрить, а потом спуститься к Вам. Но все спали, и я сама убрала осколки. Кровь остановилась, но потом раны вновь открылись, и тогда я решила Вас разбудить.

– Надо было сделать это сразу!

– Ой, ничего страшного.

– У Вас полтора часа кровь идет, а Вы говорите, ничего страшного?

– Что это, мистер Леджер, я вижу чувства на Вашем лице?

Я пыталась шутить. Дворецкий не ответил. Но раны действительно не были серьезными, они просто кровоточили. Мистер Леджер сгущал краски. А врача я решила вызвать, потому что все-таки это стекло и я потеряла много крови. Учитывая мое состояние в последние дни, это могло иметь последствия.

Пока врач добирался до места, проснулся весь дом, и от их заботы я почувствовала себя маленьким ребенком, который ничего не может сделать сам. Они кружили надо мной, как пчелы над медом.

Вскоре пришел сонный врач. Он осматривал, ощупывал мои руки. На правой руке был самый большой порез, который как раз до сих пор кровоточил. На него пришлось наложить швы. Потом врач нанес на руки какую-то вонючую мазь и сказал:

– Все. Я закончил. Немного поболит, но ничего страшного. Я думаю, даже шрамов не останется на Ваших красивых руках, леди Брустер.

– Благодарю и за лечение, и за комплимент, – проговорила я грустно, вспомнив причину ранения.

– Кто доставал осколки? – спросил врач.

– Я сама.

– Удивительно. Вы не боитесь вида крови?

– Нет. Кровью меня не напугаешь...

– Я не нашел больше ни одного осколка, словно с руками

работал врач.

— Тот шрам, на который Вы наложили швы, я сделала сама себе, когда доставала стекло... Рука дрогнула.

— Ну, значит, Вы еще студентка.

Он улыбнулся, я ответила взаимностью. Какой обаятельный доктор. Профессия требовала от него строгого воспитания, и врач был весьма галантным. Хотя чувство юмора, как и у всех врачей, у него весьма своеобразное.

— Вот мазь, она Ваша. Ее надо использовать раз в день. Она ускорит заживление. Раны несерьезные. А вот правую я, пожалуй, перебинтую, эту руку Вам надо беречь. Бинт снимаете, когда надо наложить мазь. Через три дня я приду снять швы.

— Хорошо, спасибо.

— Леди Брустер, я хотел бы обратить Ваше внимание кое на что...

— На что?

— Вы хорошо питаетесь и спите?

Я промолчала, не зная, как ответить, и меня опередил дворецкий:

— В связи с последними новостями графиня за пять дней поела три раза. Два дня не спала вообще, вчера несколько часов, и сегодня, как видите, снова не спала.

Я посмотрела на мистера Леджера, дружелюбно улыбаясь. Врач был недоволен:

— Этого следовало ожидать. Леди Брустер, Ваша рана

несерьезна, а сильное кровотечение связано с тем, что организм очень ослаб и не может справляться с недугами. Вам необходимо хорошо питаться и следить за собой.

– Я поняла Вас, доктор. Буду стараться.

Он дал мне еще несколько советов, я расплатилась, и врач отправился домой. Я сказала слугам, что завтра они могут спать до одиннадцати, потому что уже сейчас было пять утра. Все разошлись по комнатам. Моя спальня еще не успела полностью проветриться. Поэтому я всю ночь пролежала с открытым окном.

Мой шрам на руке пульсировал, а это значит, что я еще жива. И это не могло меня не расстроить, потому что Карл сегодня не вернулся. И не вернется. Именно из-за того, что я приняла утрату, я устроила такую сцену у себя в комнате.

Я лежала в кровати, скорчившись, и смотрела в пол. Я чувствовала себя ущербной, слабой, незащищенной – впервые в жизни. Мысли меня покинули, я чувствовала, что я ничего не значу в этом мире. Слаба... Одинока... И больше никогда ни к кому так не привяжусь... Потому что терять я больше не могу. И в свою жизнь я никого не намерена впускать. Мне суждено быть с Карлом. Свою земную жизнь с ним я прожила, а это значит, что осталось дожидаться загробной.

7 марта 1775 года. Среда

Сегодня утром дворецкий забыл о церемониях и заставил меня съесть весь завтрак: тарелку каши и чай с печеньем. Я решила не сопротивляться, когда мистер Леджер предупредил меня:

– Если Вы не будете есть, я уволюсь!

Такой работник мне был необходим, поэтому я давилась, но ела.

К обеду приехал Пит. Он был очень обеспокоен моей раной и сам перебинтовал мне руку. Дворецкий рассказал, что врач наказал мне хорошо питаться и что мой организм очень ослаблен. И в обед меня есть заставлял Питер. Оказывается, у него есть приказной тон, ну а про леденящий взор я и раньше знала.

Хотя появление Карла мне казалось призрачным и невозможным, я все равно с великой надеждой посмотрела на дверь, когда в нее позвонили. Это были Кейт, Эмма и их мужья.

Вшестером мы сидели в бальном зале на диванах друг напротив друга. Я устроилась на кресле у входа. Весь день я была неразговорчивая и мрачная. Сидела, замерев в одной позе, глядя в одну точку. Отвечала на вопросы и поддерживала беседу односложно.

Молчание. И в давящей тишине Кейт нежно сказала мне:

– Нам его очень не хватает...

Я тяжело выдохнула и, потирая лоб, ответила:

– Все равно я буду его ждать. Надо написать миссис Норрис через два дня. Но только что... Как я об этом ей расскажу?

Я поправила волосы, выпрямила спину и посмотрела на гостей. Все они были не в самом хорошем расположении духа, и я решила сменить тему:

– Сегодня у нас среда? Седьмое число?

– Да, – ответил мистер Браун.

– Семь суток прошло со дня, когда Стефан сообщил нам эту новость. Я была неправа, что так сорвалась. Извинилась, но мне все равно стыдно. Ну да ладно. С понедельника начинаем работать.

– Дамана, прости, что спрашиваю, – деликатно сказал мистер Смит. – А что мы будем делать с контрактом с русскими?

– Я отправлю письмо местным казначеям и нашему русскому управляющему с просьбой прислать мне контракт. Если не ответят или им потребуется меня увидеть, то придется поплыть... Письмом я займусь завтра.

Я глубоко выдохнула и вновь погрузилась в себя. Так мы беседовали еще примерно час. Во мне ничего не осталось, я чувствовала пустоту и отчаянье. Когда вспоминала о Карле, сердце замирало на несколько секунд. Пустые, никчемные, мучительные секунды...

Вдруг я услышала взволнованный голос мистера Леджера:
– Мисс Дамана!

Я обернулась. На лице дворецкого были изумление, восторг и в то же время страх. Он продолжил:

– Вы были правы...

Я была права? Что происходит? Но дворецкий отошел чуть левее, и я увидела, как в зал заходит мужчина. Небритый, с перебинтованной правой рукой, с ярким красным шрамом на щеке, бледный, усталый и потрепанный. Я сразу же поняла, кто передо мной, все это поняли, но никто не мог поверить...

Я смотрела на Карла. За долю секунды к горлу подкатил ком, перехватило дыхание, сердце сильно забилося, по всему телу прошла дрожь, еле заметная, но мне казалось, что я нырнула в самый холодный в мире океан, но он оказался для меня живительным.

Через несколько секунд слезы брызнули у меня из глаз, словно кровь из раны. Я не пролила ни слезинки, пока Карла не было, а когда он вернулся, рыдала и не могла остановиться. Все, что скопилось во мне за неделю, я выплакивала от безумной радости. Слезы, словно яд, выходили из моего истомленного сердца.

Кейт и Эмма тоже плакали. Питер вскочил на ноги и улыбался. Мистер Смит и мистер Браун сидели неподвижно, ошарашенные зрелищем. Карл смотрел только на меня. Затем он выдохнул.

Я опустила голову, и слезы закапали на мои ноги. Не помню сама, как встала, побежала к Карлу и обняла его... Какое блаженное чувство, словно вознаграждение за мои страдания... И я принимала его без остатка. Карл прижал меня к себе. Но я ни за что в жизни не забуду тот звук упоения, который он издал, когда мы обнялись. Я рыдала.

– Дамана, умоляю, перестань. Со мной все хорошо...

Услышав эти слова и неповторимый нежный голос, я зарыдала еще сильнее. Я не могла остановиться. От сильных чувств и от потока слез я не могла произнести ни слова.

Только я почувствовала приступ бесконечного счастья и захотела заговорить, как обратила внимание на бинт на правой руке Карла. Это ранило мое и без того искалеченное сердце. Я в панике прикрыла рот, растерянно посмотрела на дворецкого:

– Врача!

Тот передал приказ прислуге, которая уже собралась у дверей и глазела на то, что происходит.

Я смотрела на руку Карла, на шрам на щеке, увидела на шее большой синяк. Виконт был так бледен и несчастен. За что же эти пираты тебя так искалечили?..

– Дамана, прошу тебя, – говорил Карл, словно сам сдерживал слезы.

Я готова была слушать его бесконечно. Неважно, в каком состоянии он пришел, главное – он жив, он вернулся ко мне! На этой мысли я взорвалась. Из меня словно демоны выхо-

дили. Я почувствовала слабость в ногах и, плача навзрыд, медленно сползла вниз, встав на колени, и обняла его правую ногу. Карл издал болезненный звук. Я ощутила у голени, ближе к ступне, самодельную шину. Испугавшись, что я причинила боль Карлу, я резко отпрянула. Карл хотел присесть на корточки, но не мог, морщился от боли. Поэтому я вскочила, не позволив ему сесть. То, что у Карла ранена еще и нога, меня напугало, и я перестала плакать.

– Дамана, слезы сейчас не нужны.

Я хотела ответить: «Если бы ты знал, через что мне пришлось пройти, то понял бы, что слезы сейчас объяснимы», но не стала. Попыталась вытереть глаза, но бесполезно; в секунду щеки вновь покрывала соленая вода. Карл пытался помочь, нежно касаясь моего лица. Он был таким неземным, словно... Каждое его касание было наполнено особым чувством нежности, доброты, любви! Меня все еще трясло. Я закрыла лицо руками. Такой счастливый миг – а я рыдаю, словно на похоронах. Но эти слезы – от безудержной радости.

– Дамана, – нежным шепотом попросил Карл. – Раны – это не страшно. Сейчас все хорошо.

Карл смотрел на меня, и я смогла заглянуть в его карие глаза. Наконец-то! Я наслаждалась его глазами, словно увидела свое единственное божество. Карл гладил меня по голове и с трепетом смотрел на мое лицо. Он видел, как я плачу от счастья, это его тронуло до глубины души, и у него самого

потекли слезы. Карл сиял от радости и возможности прикоснуться ко мне, стоять так близко.

Я начинала успокаиваться, хотя меня все еще трясло. Снова осмотрела лицо Карла. Его щеку пересекал приличного размера шрам. Но Карл не утратил свою красоту. Я, забыв, что моя правая рука перебинтована, тыльной стороной ладони тронула шрам на щеке Карла. Тот заметил бинты, посмотрел на них, заботливо и аккуратно здоровой рукой взял мою ладонь:

– Что это?

Я наконец-то улыбнулась и махнула рукой. Я бы с радостью ему что-нибудь ответила, но все еще не могла разговаривать. Мои слезы почти остановили свой поток, моя улыбка смогла их затмить. Карл обрадовался, что увидел ее, поднес мою раненую руку к губам и поцеловал. Он подтянул меня чуть ближе к себе, словно я что-то неприкасаемое и ценное, аккуратно поцеловал в щеку, а потом в шею. Почувствовав мой запах, запах любимой женщины, от удовольствия он закрыл глаза. Потом погладил мои волосы.

Я не знаю, как передать, что я чувствовала. Какая я была неземная в этот долгожданный час. Карл появился, когда я отчаялась, а от надежды осталась только тень. Как же мне хорошо, безмятежно... Моя душа под защитой.

Мы смотрели друг другу в глаза, пытаюсь возместить утраченное время. Но какие мы наивные... Для этого нам потребовались годы!

Карл играл с моими волосами, я, как обычно, положила руки ему на грудь. Как же прекрасен твой облик, Карл! Разве возможно придумать что-то красивее? Как ни удивительно, да, возможно. Это душа Карла Норриса, безукоризненная, идеальная душа, которая принадлежала мне. Я чувствовала, что Карл отдает ее мне всецело, без остатка. А я принадлежала только ему. И эта проклятая, ненавистная неделя стала доказательством, прежде всего для меня.

Мы смотрели друг на друга минуты три. И со стороны мы выглядели прекрасно, ведь как еще объяснить эти счастливые лица вокруг нас. Девушки рыдали. А мистер Леджер наконец-то чопорно выпрямился и стал таким, каким всегда, только широко и счастливо улыбался.

Карл убрал с моих щек последние слезинки. Меня еще трясло, но хотя бы речь ко мне вернулась. Я бархатным голосом проговорила:

– Как мне тебя не хватало...

– Ты рядом, и больше ничего не надо, – шепотом сказал Карл, закрывая глаза от счастья.

Настал миг, который должен произойти. Самый волнующий кровь, самый возбуждающий души, самый возвышенный на небесах и ненавистный для наших врагов. Поцелуй – нежный, аккуратный, ласковый и долгожданный.

Казалось, что если смотреть на нас с Карлом, то мы можем ослепить. Если бы мы были святыми или богами, то нас бы изобразили на иконе любви. В знак счастья, любви, понима-

ния и преданности.

Потом мы обнялись. Мое настроение стало прекрасным, я посмотрела в глаза Карлу и, улыбаясь, предупредила:

– Когда я в следующий раз скажу, что будет здорово освежить чувства, давай придумаем что-нибудь попроще.

Карл захохотал и сильнее прижал меня к себе:

– Согласен...

Мы смеялись, ведь теперь мы могли себе это позволить. И не только мы. Эти две фразы развеселили всех. Сзади я слышала приближающиеся аплодисменты, обернулась и увидела, что Питер идет к Карлу. Питер улыбался, Карл отвечал взаимностью.

– Ты жив, – проговорил Питер, протягивая ладонь.

Карл растерялся, ведь его правая рука была перебинтована:

– Прости, я бы с радостью пожал тебе руку, но... А левая – это как-то неуважительно.

– Найдем другой выход! – Питер искренне рассмеялся и обнял Карла. Я не ожидала такого приветствия и порадовалась за ребят. Карл тоже широко улыбнулся и похлопал Питера по спине здоровой рукой.

– Не думал, что когда-нибудь это скажу, но, – начал Питер, держа руки на плечах у Карла, – но... Я рад тебя видеть!

Карл посмеялся:

– Ну ты что! Я бы тебя с собой забрал!

В любое другое время этот диалог был бы враждебным.

Но что от одного, что от другого никакой неприязни не исходило. Весьма неожиданно. Они еще несколько секунд посмотрели друг на друга, а потом Карл похромал к диванам, чтобы поздороваться с соседями. Они обнимались, девушки его целовали, а я была на недостижимой высоте счастья.

Питер посмотрел на меня и ласково улыбнулся. Мы тоже обнялись. Он был искренне рад возвращению Карла. И казалось, что между ними началась зарождаться дружба.

Карл пошел обратно, ко мне. Я подбежала к нему. Он прижал меня к себе и поцеловал в лоб. Я же прильнула к его плечу.

– Прости нас, Эли, – сказала Кейт.

– За что?

– Мы тебе не верили! Господи, ума не приложу... Я думаю, так не может быть, чтобы ты чувствовала, будто... Карл жив! А мы тебя не поддержали.

Карл не понимал, о чем речь. Эмма уловила его растерянный взгляд и пояснила:

– Дамана единственная говорила, что ты остался жив после нападения пиратов...

– Об этом вам сообщила голубиная почта? – поинтересовался Карл.

– Не нам – порту... – ответила я. – Порт отправил новость во дворец. А Стефан рассказал мне. Стало известно об этом второго числа.

Карл испуганно посмотрел на меня, видимо, поняв, на-

сколько тяжело мне пришлось. Провел рукой по голове, и взгляд его погрузнел.

– Мы приплыли сегодня... Мне сообщили, что вся Англия знает, что произошло. Первым делом я отправился к маме, чтобы успокоить ее. Но дома ее не было. Твоя мама, Питер, мне сказала, что она уехала. Куда, зачем – она не знала. И сказала, что ты, – Карл посмотрел на меня, глядя мой подбородок, – ответишь мне на все вопросы.

– Это сложно объяснить...

– Дамана, скажи одно, – серьезно добавил Карл, словно готовый услышать худшее. – С мамой все хорошо?

Я знаю, что такое ждать важного ответа, поэтому не стала медлить:

– Твоя мама жива, здорова и ни о чем не знает. Она уехала с отцом Флетчером за город.

– Карл, расскажи, что произошло? – поинтересовался мистер Браун.

Карл с сожалением посмотрел на гостей и очень вежливо попросил:

– Друзья, поймите меня правильно. И простите за эту бестактность. Я не знаю, как вас попросить. Но не могли бы вы оставить меня и Даману наедине?

Собравшиеся мило улыбнулись. Девушки сразу же встали без лишних вопросов. Карл, застыдившись, начал оправдываться:

– Мы с вами еще обязательно встретимся. И я все вам

расскажу. Простите меня.

– Не надо, Карл, – сказал мистер Смит, кладя руку ему на плечо. – Это мы бестактны! Могли бы сами сообразить!

– Не верится, – говорил мне Питер, когда Карл прощался с соседями. – Ты оказалась права... Интуиция тебя никогда не подводит? Тогда, может, сходим на скачки? Хорошо, что все так закончилось.

Питер поцеловал меня в лоб и пошел прощаться с Карлом. Они о чем-то говорили, а я смотрела на парней со стороны. Неужели вражда, которая длилась несколько лет, исчезнет только после глубокого потрясения? Питер что-то наказывал Карлу, тот слушал его слова, словно наставления родного брата. Он не стал провожать гостей до двери, ходить мешала раненая нога. Гости проводили я и мистер Леджер.

Все, одеваясь, наперебой говорили мне, как они поражены, что я оказалась права, и извинялись за сомнения. Мне это было не так интересно, меня даже не удивляла моя правота. Единственное, что я сейчас хотела, – вернуться к Карлу. Но, чтобы не показаться невоспитанной, я что-то отвечала, улыбалась.

Вскоре гости ушли, дворецкий закрыл за ними дверь, а я сорвалась с места и побежала к Карлу. Он сидел на диване, полностью расслабленный, но обессиленный. Я опустилась перед ним на колени. Карл поднял меня и заставил присесть рядом с ним на диване. Я не стала противиться: не хотела, чтобы он лишний раз напрягался.

Я поджала под себя ноги и повернулась лицом к Карлу. Он взял мою раненую руку:

– Что с тобой произошло?

– Долгая история. Порезалась об осколок вчера.

– Я так скучал, – проговорил Карл, касаясь лбом моего лба.

– Я даже не знаю, как передать словами, что я испытывала, – грустно проговорила я, не глядя ему в глаза.

– Простите, – вмешался дворецкий. – Может быть, я могу Вам что-нибудь предложить?

Я посмотрела на Карла, тот ответил:

– Нет, спасибо. Ничего не надо.

– Как это? Ты же наверняка голоден?

Карл улыбнулся, словно его разоблачили:

– По правде сказать, очень голоден.

– Мистер Леджер, вы отправили за врачом?

– Да, мисс.

– Значит, он скоро приедет. После его визита подайте нам, пожалуйста, ужин. А пока что принесите какие-нибудь закуски с соком.

Дворецкий довольно улыбнулся, поклонился и ушел. Приказы в таком духе ему нравились больше.

– Это, – кивнула я на руку, – и стало причиной моих чувств... Ты меня чуть с ума не свел, Карл...

Мне вновь стало плохо. Карл, заметив это, начал ласкать мое лицо, шею, плечи. Я же старалась держать себя в руках,

но голос все равно иногда срывался:

– Мне было страшно... Я не хотела верить, что ты умер! Эта неделя унесла за собой многие мои годы. Я так боялась за тебя, Карл!

Я обняла его, потом мы поцеловались.

– Дамана, выжило несколько людей... И каждый из них не находил себе места. Нам страшно было представить, что творится с нашими родными. Я и вправду очень спешил к тебе. Я не переставал о тебе думать весь месяц. Меня убивало то, что мы не можем даже перекинуться парой слов. Каждый мой сон был радостью, потому что ты всегда приходила ко мне... Я не хотел просыпаться. Я просыпался, а тебя не было рядом...

Мы целовались. Дворецкий и кухарка принесли закуску и сока, поставили на столик и молча удалились. Я услышала, как мистер Леджер громко и властно приказал всем работать. Прислуга затопотала, разбегаясь по комнатам.

За едой Карл сказал:

– Родная, ты так похудела. На тебе лица нет...

– Сейчас это все неважно, Карл.

– Ты не могла уснуть из-за меня? – он словно почувствовал себя виноватым и начал оправдываться: – Если бы это было в моих силах, я бы приехал раньше. Прости, что тебе пришлось пройти через такой кошмар!

– Карл, перестань, не надо! Как я могу тебя в чем-то винить? Я тебя люблю. И поэтому мне было так плохо.

– Милая, и я тебя люблю. Я бы все отдал, лишь бы этого всего не произошло!

– Ладно... Главное, что ты сейчас здесь.

Я прильнула к его груди, Карл любовно обнял меня. Вдруг он резко сказал:

– Ах, да! Чуть не забыл! Я привез его!

Он хотел было встать, но я не позволила ему:

– Кого привез?

– Контракт с русскими. Я обо всем договорился, достойная графиня Брустер. Он лежит в коридоре, где я оставил вещи.

– Благородный господин виконт Карл Норрис... Мы еще успеем добраться до контракта. Пусть лежит.

Мы улыбнулись друг другу.

– А ты добила от арабов желаемого?

Я чуть не подавилось соком из-за вопроса. Меня он одновременно рассмешил и напугал. Я вытерлась салфеткой и начала кивать:

– Даже больше! С помощью своего чертовского обаяния...

Я не смогла договорить: дворецкий сообщил, что пришел врач. И, как по заказу, тот, который вчера осматривал мою руку.

Врач и остатки разума посоветовали положить Карла в спальню первого этажа. Нога Карла была очень слабой, вряд ли он смог бы подняться хотя бы на второй этаж.

– Как Ваша рука, леди Брустер? – спросил врач. – Вы ее перебинтовывали?

– Да. Рана немного беспокоит меня, но я не сказала бы, что рука болит.

Доктор одобрительно кивнул и пошел в спальню для осмотра. Тем временем, я отдала приказ гувернанткам приготовить ванную для Карла, чтобы тот немного мог привести себя в порядок. Я ждала в коридоре. Мне показалось, что осмотр продлился вечность. Дворецкий позвал меня внутрь. Я вошла, когда Карл уже застегивал рубашку.

– Какие результаты, доктор?

– Ранений много, но не страшно: вылечим. Все будет хорошо.

Я принесла подушки из нашей спальни. Я знала, что Норису будет приятнее спать на своей подушке. Карл взял ее и с любопытством спросил:

– Почему она так пахнет духами?

– Я вчера разбила флакон, когда споткнулась. И упала на осколки.

Меня иногда пугало поведение Карла. За годы он немного стал разбираться, когда я говорю правду, а когда лгу.

– Как ты так споткнулась, что разом разбила все флаконы?

Над этим вопросом мистер Леджер не задумывался. А Карл дал ему пищу для размышлений. Я начала оправдываться:

– Очень сильно споткнулась.

Карл не то чтобы хотел разоблачить меня, он просто хотел понять, что происходило. Он почувствовал, что это была не просто нелепая случайность.

– Проходя мимо прачечной и кладовой, я заметил матрасы, обшивку и кресла, растерзанные, я так понимаю, осколками духов? – спросил Карл, хитро улыбаясь.

Я думала, как вывернуться, и придумала глупый выход:

– Нет, это сделал крючок от подвязки для чулок.

Я думала, что такая интимная подробность остановит Карла и поубавит интерес в глазах дворцового и врача.

– Крючок, значит, – уточнил Карл. – Кажется, это больше похоже на лезвие.

Он скучал по мне и с первого же дня решил поиграть, кто первый сдастся. Как истинный джентльмен, Карл, как обычно, уступил после моего ответа:

– Женщиной быть опасно и часто даже неудобно... Кресло можно зашить, а вот чулки пришлось выкинуть.

Он, конечно же, не поверил, но его рассмешило. А еще Карл был безумно рад увидеть меня в своем репертуаре. Похоже, я не изменилась за месяц, а вот в нем перемены были очевидны. Как только он получил звание виконта, его характер переменялся, но в лучшую сторону. Все достоинства приумножились, а недостатки либо улетучились, либо про-являлись, только когда он был с близкими. С друзьями он мог поребячиться. Карл стал серьезнее, воспитаннее, а его мужество и галантность не имели границ. Он стал настоя-

щим виконтом, причем с легкостью: видно было, что среди аристократии Карл чувствовал себя вполне уверенно. Это место ему подходило лучше, чем место кебмена.

– Раз уж я тут, – предложил доктор, – то позвольте, леди Брустер, я все-таки взгляну на Вашу руку.

Пока доктор осматривал меня, Карлу помогали принять ванную. У меня же состоялся разговор со врачом:

– Итон Дирек, если не ошибаюсь? – уточнила я.

– Да, правильно.

– Раз уж так вышло, может, Вы станете нашим лечащим врачом? Или у Вас мало свободного времени?

– Я пользуюсь весьма хорошим спросом. Но отказать Вам будет неблагоприятно.

На том и порешили. Этот врач действительно был безукоризнен. Его пациенты почти не умирали, а еще он лечил духовных особ. Собственно, за свое имя и брал соответствующие деньги.

Мою руку Дирек похвалил, и начал вступительную речь для серьезного разговора. Я сначала немного испугалась этой тайне, но потом поняла: это делается, чтобы лишний раз не беспокоить пациента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.